

Девушки с палаткой

A surreal, colorful cosmic landscape. In the center, two girls in dark clothing stand in silhouette, facing each other. Behind them is a large, white, conical tent. The background is a vibrant, multi-colored nebula with swirling patterns of green, purple, and pink, set against a dark starry sky. The overall atmosphere is dreamlike and ethereal.

16+

Светлана Хорошилова

Светлана Хорошилова

Девушки с палаткой

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66568780

SelfPub; 2022

Аннотация

Поступившая в больницу молодая пациентка скрывает подробности своего таинственного исчезновения из дома, так как уверена, что ей никто не поверит. Но постовой медсестре Олесе удаётся выяснить кто же напал на девушку, и почему в реанимации лежит её сестра.

Светлана Хорошилова

Девушки с палаткой

Обычно при виде машины скорой помощи возникает чувство тревоги, но только не у Олеси – посторонившись, она взобралась на бетонный бордюр и проводила её безразличным взглядом, скорее безмятежным – взглядом абсолютного спокойствия. Красная полоса по белому борту вмиг исчезла за углом семиэтажного строения – это был главный угол на всей территории, туда постоянно шныряли скорые, так как за ним находилось крыльцо приёмного отделения.

Девушке надоело балансировать на одной ноге – она соскочила вниз.

После проливного дождя, который хлестал по асфальту как из ведра всю неделю, в ложбинах скопилось обилие зеркальной дождевой воды. Как бы ни старалась Олеся обходить многочисленные лужи и грязь, перебираясь с бордюра на бордюр, всё равно умудрилась забрызгать облюбованные белые кроссовки – единственную удобную обувь в её и без того скромном гардеробе. Воздух щедро наполнился озоном – давно погода не дарила такой роскоши, изнурая летней жарой, изводя невыносимой духотой. Хотя духота была ещё вся впереди – влага начала активно испаряться благодаря августовскому солнцу, ярко палящему с самого утра над панорамным горизонтом города. Небо сегодня было чистым, без-

облачным.

Первый день после отпуска требовал великих усилий – желание идти на работу напрочь отсутствовало. Олеся выбралась из постели на седьмой трезвон будильника, а до того, почти вслепую, с полузакрытыми глазами, запускала повтор и вновь проваливалась в дремоту. Мучительный подъём откладывался до крайнего предела, чтобы с момента спуска ног на ковёр ей пришлось носиться по всей квартире очертя голову, в спешке собираться, скакать в одной кроссовке к стеллажу, на котором валялись забытые ключи, а затем в финале вальяжно, не торопясь, дефилировать перед окнами родного стационара. Опять её ждали длинные сквозные коридоры, впитавшие в себя многолетние запахи санитарной химии, перебинтованные больные с кружками и тарелками, привычно курсирующие из палаты в столовую, из процедурного на процедуры...

Распорядок не менялся годами. Каким он был ещё при Олесиной матери, сорок лет посвятившей профессии операционной медсестры, таким он остался при Олесе, сидящей на посту в травматологии, или «травме», как часто сокращал название персонал. С тех пор не так уж много изменилось. Разве что окна по всему комплексу поменяли на пластиковые, установили кровати современные на колёсах со скользкими клеёнчатыми матрацами, но достаточно широкие, оснащённые регулятором положения спины.

По пандусу крыльца приёмного отделения закатывали ка-

талку со свежим прибывшим – женщину, так как под простынёй топорщилась грудь, только лица было не разобрать, уж очень оно напоминало кровавое месиво. Набрось на лицо край простыни, и тело сошло бы за труп – в таком случае его переправляли бы в морг, расположенный отдалённо в одноэтажной постройке, но эту женщину везли не туда, а внутрь оживлённого корпуса, прямо в сердце стационара.

– Здорово, Олесюндр! – Водитель скорой чуть не оглушил, проорав Олесе прямо в ухо. Девушка притормозила перед входом, развернулась к нему. – Загорелая ты какая-то... В отпуске что ль была?

– Ага! – Этим кратким «ага» она скорее отмахнулась при болезненном упоминании о скоротечном отпуске, но принялась разглагольствовать на ту же тему: – Были бы наши отпуска месяца по три, как ты считаешь? А то получается: хорошего понемногу?

Подмигнув однобокой улыбкой, водитель выразил ей сочувствие:

– Неохота наверно работать?

– А тебе что, охота?! – В диалог грубо внедрилась фельдшер со скорой. Вид у неё был уставший, лицо недовольное. – Залезай, поехали! Хватит лясы точить!

Скорая тронулась – красная полоса прокатилась по кругу, как на цирковой арене, разворачиваясь вокруг газонного островка с пестрящей клумбой по центру – в тот момент Олесю уже затягивало в корпус вместе с попутными посети-

телями через беспрерывно открывающиеся стеклянные двери.

Коллеги встретили её с энтузиазмом – работа была приостановлена и не возобновлялась, пока у медиков не закончились те же вопросы по поводу происхождения её бронзового загара. Никто не верил, что получен он был не на морском побережье, а в родовом гнезде на садово-огородной плантации. Пришлось усмирять разыгравшееся воображение коллектива по поводу поездки на золотые пески с несуществующим кавалером, потому как средства ей этого не позволяли, да и спонсировать было некому.

Олеся отправилась в служебное помещение переодеваться в отглаженный и аккуратно сложенный брючный костюм, переобуваться в мягкие, рассчитанные на долгую смену мокасины. Перед этим она оттерла влажной салфеткой грязные брызги на шиколотках и кроссовках – аккуратность была ей привита с детства.

Рабочий день как всегда начался с беготни по всему корпусу. В отделении травматологии, где она работала седьмой год, начиная с две тысячи одиннадцатого, недавно затеяли плановый ремонт и часть палат раскидали по разным этажам: по две, по три... Даже в отделении гинекологии самую крайнюю по коридору палату заселили побитыми травмированными мужиками, в которую медсёстрам так же приходилось таскать пешком по лестнице врачебные назначения. Постояльцы этой обособленной палаты обрадовались прихо-

ду новенькой – хорошенькой, белокурой, с чувством юмора, быстро поставившей всех на место и сразу завоевавшей авторитет. В ход пошли комплименты – Олеся отвечала ни на них достойно: в комплиментах она купалась, работая здесь, не терялась и не краснела. Нигде, как в больнице, особенно в палатах, где обитает мужская публика, не получишь столь эффективного роста самооценки.

В ходе беготни её остановила рентген-лаборант. Обрадовавшись, что не придётся далеко ходить, лаборантка всучила ей свежие, запечатлённые на рентгеновской фотобумаге переломы, а заодно не в службу, а в дружбу, попросила занести пару снимков по пути в реанимацию. Лифт работал один, и тот приезжал не резво – его терпеливо дожидались только загипсованные на костылях, да персонал с обременительной техникой: креслами, каталками. Изредка перед лифтами маячили парни в спецодежде с инструментом в руках. Олеся наматывала круги по лестнице, бегала вверх-вниз куда быстрее основной массы, плетущейся размеренным шагом со ступени на ступень и озирающейся по сторонам – не проскочили ли они нужный этаж... Поэтому фигура у неё, особенно за период ремонта, приобрела подточенную форму – стройную, спортивную, и даже калории от маминых пирогов, накопленные за время отпуска, уйдут в этой беготне куда быстрее, чем они вяло сгорали при сборке колорадского жука на родительских грядках.

В отделении реанимации в безлюдном коридоре, где ца-

рили спокойствие и тишь, её встретила улыбчивая Саша – медсестра. Олеся знала её с детства: вместе росли в одном дворе, вместе с переменным успехом увлекались одними и теми же спортивными секциями, вместе подавали документы в медицинский колледж. В больницу тоже устраивались вместе по протекции Олесиной матери. Саша тогда согласилась на вакансию в реанимации лишь на время, а застряла похоже навсегда.

– Ну-у-у... смотрю и не пойму – негра что ль к нам занесло, или это Лопухина идёт по коридору?.. – Саша расплылась в безразмерной улыбке и вскинула руки ладонями вверх от удивления.

Сквозь тонкое полотно белого медицинского костюма на ней отчасти просвечивалось нижнее бельё. Руки, на которых не было ничего – ни колец, ни часов, ни покрытия на ногтях, держались уверенно, словом, у неё были достаточно крепкие руки.

– Ах, снимки нам несёшь... А я-то, наивная, подумала, что ты специально решила ко мне заглянуть. – Два отдельных фотолиста, вложенные в истории болезни, перешли в её руки.

– К тебе я лучше зайду в нерабочее время... – сказала Олеся и тут же осеклась. Вытянула шею, уставилась на лежащую в коме молодую, лет девятнадцати, подопечную этого нерадостного отделения, едино связанную с аппаратами – безмолвное тело в многочисленных ссадинах и порезах,

недавно обработанное антисептиками, лежало прямо по курсу. Вид у девушки был будто её тащили из-под обломков, вынимали из пожарища, или она вернулась с поля боя, ну в крайнем случае подверглась нападению демонической силы.

Лопухина поинтересовалась:

– А что это с ней?

Сотрудницы больницы повидали всякое: в этих стенах появлялись вновь прибывшие – каждый раз они балансировали между жизнью и смертью, искалеченные внешне, или угасающие изнутри, появлялись и исчезали... Некоторые запомнились надолго – им всегда сопутствовала резонансная история, но травмы их были понятными, объяснимыми в отличие от той, что сейчас наводила ужас одним своим видом.

– Я сама недавно заступила, толком не знаю... – ответила Саша, пожав плечами. – Подождёшь меня здесь? – Сменила она тему. – Угощу тебя яблоками из деревни.

– Давай, только в темпе!

Реанимационная медсестра торопливо удалилась в конец короткого коридора, постукивая зелёными шлёпками из кожзама, ударяя каблучной частью о пятки, – сзади костюм просвечивался вдвойне. Реанимация была отдельным миром, святая святых, спальней стационара, здесь было всё, как в кругу семьи, поэтому персонал и выглядел, как в спальне, одетым по-домашнему... Здесь не сновали больные с тарелками и передачами – гастрономическими изысками от родственников, не вышагивали мастера с перфораторами, пе-

рекинутыми через плечо... Возможно здесь кто-то блуждал невидимый – призраки умерших пациентов, но о них никто не говорил, лишь предполагал, что больше всего их в этом, специально отведённом для призрачных скитаний месте.

Олеся снова взглянула на тело, на вид кажущееся бездыханным, выставленное, как на погребальном костре, и у неё мелькнула мысль: может этой девице довелось участвовать в ритуальном обряде и хуже всего то, что ей досталась роль жертвы для заклятия... На оголённом плече красовались четыре борозды от длинных ногтей, на скуле явный ожог, от запястья криво тянулись раны, нанесённые таким же кривым предметом, снова ожоги, по форме напоминающие четыре пальца.

Пытаясь понять природу их появления, она старалась прочесть, если это слова, различить сходство с любыми символами. Никогда ей не приходилось видеть ничего подобного за всю многолетнюю практику. Каждый, кто поступал в ту же травматологию особо не удивлял: по кому-то проехала машина, кто-то улетел с высоты и неудачно приземлился, кому-то просто накустыляли. Но это юное создание подверглось необъяснимому, побывало в эпицентре инопланетной атаки или невесть в каких разборках...

– Что же с тобой случилось... – вырвалось у Олеси вслух.

Со стороны это выглядело как пустое, глупое обращение к бессознательному телу. Жертва заклятия молчала. Едва заметно поднималась и опускалась грудная клетка – внутри со-

хранилась жизнь. Кто знает, может она всё слышит и чувствует, может она намекнёт, даст знак, где кроется ключ к разгадке?..

Внезапно Лопухину обхватили сзади за плечи – кто-то бесшумно подкрался и обнял, чем заставил вздрогнуть от неожиданности. Рентгеновские снимки взлетели вверх, чуть не выпав из рук, при этом они издали звук полёта бумеранга.

– Какие люди и без охраны! – воскликнул грузный усатый врач-реаниматолог, Муромец в плечах и Обеликс в брюшке. Он расплылся в улыбке.

– Здравствуйте, Пётр Сергеич! – с облегчением выдохнула Лопухина, одновременно успокаивая сердцебиение, держась за грудину одной рукой.

– Что же ты, радость моя, забыла в нашем предбаннике ада? Посмотри какие тут лежат экземпляры, как раз в тему.

На радость Олеся разговор сходу зашёл о поступившей – той самой жертве неслыханного нападения, и завёл его сам специалист. А кто, как не он, должен быть в курсе истории болезни, и как знать – наверняка он давно сделал выводы: что да откуда... Глаза любопытной с рождения Лопухиной сразу загорелись от нетерпения, она вообразила – вот сейчас-то ей всё и откроется.

– Что с ней случилось, Пётр Сергеич?

Тот пожал плечами в точности как Саша – специалисты сами не ведали кого лечат.

– Да шут её знает... Ты дальше под простынёй не видела!

Лопухина сразу ухватилась за появившуюся возможность:

– Покажете?

Реаниматолог издал продолжительные пыхтящие и свистящие вдохи-выдохи, после чего обломал всю затею:

– Шла б ты отсюда, радость моя, от греха-то подальше...

– Его увесистая рука снова устроилась на её плече, намекая на выпроваживание: – Кстати, в твоей «травме» сестра её лежит... Говорят, немногим лучше, разве что в сознании.

– Как фамилия?

– Да-а... – Реаниматолог отмахнулся. – Они не родные. Только что следователь приходил вот к этой... – Он злорадно заулыбался, пританцовывая тучным телом и напевая: – А мы его не впустили-и-и...

Закончив плескаться в вверенных ему полномочиях, он снова посерьёзней и продолжил излагать:

– Тогда он почесал к тебе – сестру допрашивать.

– И сестра такая же? – удивлённо спросила Олеся.

– А я видел?!

Они услышали за спиной знакомое постукивание шлёпок: подруга бережно несла в обеих руках прозрачный пакет, наполненный большими отборными яблоками. Пётр Сергеевич многозначительно уставился на содержимое её рук.

– А-а?! – издал он вопль. – Наши яблоки теперь травматология будет жрать?

У подруги покраснели щёки, она застопорилась – отдавать или нет.

– Да я ещё принесу, Пётр Сергеич... – Саша растерялась.

– Да шучу я, шучу! – Реаниматолог снова расплылся в улыбке.

В стационаре он слыл любителем розыгрышей, в частности неожиданных, на пустом месте, лишь бы вогнать коллег в трепет от очередной его провокации. Массивные ручки в знак примирения потрясли Сашу за плечи.

– Мне ничего не жалко для таких красивых девушек! – выпалил он. – А если не хватит, своими угощу!

В травматологии в освободившейся палате проводила уборку вечная санитарка – пятидесятилетняя Наина, работающая под слоганом:

«Врачи приходят и уходят, а санитарки остаются!»

Её местонахождение всегда определялось по пронзительному лязгу ручки о металлическое ведро – откидывала она её небрежно, чем часто будила спящих.

Чтобы не сверять дни поступлений больных и даты рождений, и не обходить все палаты подряд, Олеся пошла коротким путём – заглянула к Наине с целью добычи информации: где-то у них в отделении должна проходить лечение недавно поступившая не совсем обычная пациентка, состоянием которой возможно интересовались все, кому не лень...

Санитарка не дала ей даже договорить:

– Одной малолеткой интересуются все, кому не лень... Ходят и ходют, выясняют чего да откуда... Надоели уже! – Ручка с грохотом ударилась о ведро. – Её положили в четырёх-

надцатую.

Наина была в курсе любого события, знала про всех, включая больных, детальные подробности, даже за пределами отделения, так как любила перекинуться словцом с другими санитарками, и за пределами больницы тоже, так как имела массу знакомых, у которых она всегда выступала посредником для подхода к врачам, поэтому была на хорошем счету. Столь высокий авторитет за ней закрепился благодаря огромному стажу работы в одном и том же стационаре. Жалко следователь был не в курсе – к кому здесь надо обращаться в первую очередь.

– Она поступила ещё вчера, – продолжала докладывать санитарка, не отрываясь от дел. – Сначала была напугана, вся в истерике... Теперь вообще молчит, отвернулась, ни с кем не желает разговаривать... Сейчас под капельницей спит лежит. – Не поднимая головы, Наина с усилием тёрла пол, подходила к ведру, отжимала тряпку и снова грубо шлёпала ею о линолеум. – Единственное, чего сказала, пока везли в неотложке: «Помогите сестре». А сестра где-то на речке осталась... Говорят, нашли уже... Правда, без сознания.

Санитарка прервала уборку, вытянула шею из дверного проёма, прищурилась, заговорщицки произнесла:

– Вон он идёт! Журналист!

Молодой мужчина с сумкой через плечо – скорее всего просочившийся в стационар инкогнито, поравнялся с палатой.

– Да спит она! – громко крикнула Наина, обращаясь к нему. – Под капельницей... Нельзя к ней сейчас!

Тот остановился, сообразив, что его разоблачили, резко развернулся и пошёл в обратном направлении. Вечная санитарка была здесь главной, не разрешила – все повиновались.

– Вижу, пока меня не было, у вас тут прямо мексиканские страсти разыгрались... – сказала Олеся, после чего с руками в карманах побрела по коридору. Проходя мимо четырнадцатой она притормозила, затем сделала шаг назад. Поначалу она колебалась, планируя двинуться дальше, но дверь была заманчиво приоткрыта, тогда она бесшумно туда проскользнула.

В двухместной палате царила тишь в отличие от остальных многолюдных палат-муравейников. На данный момент пациентка обитала в ней одна – под одеялом угадывались очертания загипсованного плеча. Видно было, что повернута она лицом к стене, на голову был накинута край одеяла. Капельница израсходовалась где-то наполовину – Олеся её проконтролировала, наклонилась над больной, замерла... Эффекта от зрелища, такого же, как в реанимации, не произошло – неродная сестра скучно сопела, выставив напоказ спину. Медсестра так же осторожно прикрыла за собой дверь и лицом к лицу столкнулась с заведующим отделением в сопровождении подтянутого седовласого мужчины с папкой в руках.

– Идите занимайтесь своей работой, Лопухина! – проши-

пел заведующий.

Олеся втянула голову в плечи, взяв курс на пост, по ходу наблюдая, как эти двое представительно всплывают в четырнадцатую палату. Наина по-шпионски выглянула из туалета, так же следя за ними – на весь коридор было слышно, как изо всех сил хлещет вода, наполняя ведро.

За время рабочего дня Олеся выяснила, что двадцатидвухлетнюю Татьяну Маркус привезли с перелом ключицы, многочисленными вывихами, ссадинами, незначительными ожогами после двухмесячных поисков. Сёстры пропали ещё в июне. Под подозрение сразу попал отец-алкоголик – его до сих пор содержали в следственном изоляторе. Старшую, Татьяну Маркус, обнаружили в шоковом состоянии, когда она выползала к загородной трассе, идущей вдоль леса, где её и подобрал случайно проезжающие мимо люди. Позднее в реанимацию в бессознательном состоянии была доставлена вторая девушка по имени Марьяна.

Юная пациентка отрешённо изучала потолок, когда в палату вошла светловолосая тридцатилетняя медсестра в голубом костюме со стеклянным флаконом в руках, на дне которого пестрила смесь таблеток и капсул. Торчащая из горлышка картонная полоска гласила: «Маркус».

– Тебя ведь Таней зовут? – Олеся поставила флакон на тумбочку. – Все эти таблетки прими прямо сейчас.

Девушка насупилась, она внимательно следила за перемещением медсестры, двигая только зрачками.

– Почему ты не хочешь общаться со следователем?

Медсестра уходить не торопилась, руки нырнули в карманы – она наклонила голову на бок, наблюдая за реакцией травмированной. Может она и лезла не в своё дело, но считала, что это дело общественное – наказать виновных. Маркус не удосужилась ответить ни на один вопрос. Когда Олеся сделала попытку снова открыть рот, девушка психованно отвернулась к стене, привычно натянув одеяло на спину. Медсестре ничего не оставалось, как направиться к выходу, но в дверях она задержалась...

– Видела твою сестру... – сказала Лопухина.

Маркус внезапно обернулась. Олеся сообразила, что нашла рычаг воздействия и сделала вид, что продолжает удаляться.

– Как она? – Чудо произошло – единственная пациентка четырнадцатой палаты заговорила нормальной человеческой речью впервые за время пребывания на больничной койке. – Мне никто про сестру ничего не рассказывает... Все только вопросы задают!

Лопухина вернулась назад.

– Врачи говорят: выкарабкается, молодой организм, – попыталась утешить она.

На самом деле Олеся врала, потому что понятия не имела – как она. Сотрудники реанимации говорили о чём угодно: о яблоках, о загаре, о предбаннике ада, но только не о состоянии несчастной и не о дальнейших прогнозах.

На секунду она задержалась в ожидании ответной реакции, но видя, как Маркус недовольно раздувает ноздри, развернулась и исчезла за дверью.

Контакт с этой девочкой был установлен, главное, не суетиться вокруг неё. Против сестёр было совершено преступление и до сих пор не установлено – кто же виновник. Сёстры молчали: одна в связи с тем, что пребывала в бессознательном состоянии, другая не хотела ни с кем сотрудничать. Отец обратился с заявлением об их исчезновении спустя две недели, как будто это было в порядке вещей, что дочери внезапно исчезли из частного дома без вещей, без денег, без телефонов... Он мялся и не настаивал на розыске: не кричал, не поторапливал... И заявление писал будто для галочки: ну, когда у вас появится время, между делом поищите, а то дочки куда-то запропастились, не понятно только куда...

Учитывая показания соседей и характеристику одинокого родителя-алкоголика его же первым и забрали. Отец запутал всё следствие: на одном допросе он кричал, что не имеет к этому ни малейшего отношения, а на следующем рыдал, сокрушался и твердил, что в этом его вина.

Фотографии девочек силами волонтеров были развешаны по всему городу, но только обе как в воду канули. Не объявился ни один адекватный свидетель, не считая мнительных жителей с воспалённым воображением, которым всякое мерещится. И только по прошествии двух месяцев в службу спасения позвонила пара, проезжающая мимо лесного мас-

сива, находящегося на достаточно приличном расстоянии от места проживания сестёр, и сообщила, что на обочине они подобрали измождённую, голодную девушку в оборванном тряпье. Та находилась в состоянии сильного возбуждения и всё показывала в сторону леса, дескать, в густой чаще осталась её сестра.

Вечером Олеся принесла в четырнадцатую палату два наполненных шприца. Пациентка покорно повернулась и дала сделать инъекции не устраивая протестов. По подушке были разбросаны её спутанные каштановые волосы, видимо до сих пор не вычесанные как подобает.

– Вы мою сестру и вправду видели? – Татьяна проговорила в стену, придерживая здоровой рукой спиртовую салфетку.

– Да, видела. У меня подруга работает в реанимации.

Лопухина вставила иглу обратно в колпачок. Пациентка морщилась под воздействием боли в ягодичной области, массировала двумя пальцами место укола.

– А вы не могли бы, когда у вас будет время, осведомляться о её состоянии?

Медсестра присела на свободную кровать.

– Могла бы.

Свободные минуты у Лопухиной выпадали не часто, если только в ночное время, однако, посредничество между двумя участницами местного кипиша, чьи лица красовались на каждом столбе, давало возможность быть в курсе интерес-

ного происшествия ближе, чем кто-либо. Никому из журналистов не представился такой уникальный шанс – они могли об этом только мечтать. Больная развернулась к ней лицом и поблагодарила:

– Спасибо вам за содействие!

Постовая не спешила уходить. Она смотрела на пациентку голубыми глазами, изучая расцарапанные руки, многочисленные гематомы и синяки на открытых частях её тела. На первый взгляд пациентка казалась обычной, каких здесь целое отделение, но Олеся чувствовала интуитивно, взглядом эксперта: что-то здесь не то...

– Вас с сестрой втянули в секту?

Татьяна сверкнула белками, контрастирующими с загорелым лицом и отвела глаза в сторону.

– Да вы всё равно не поверите...

Олеся пожала плечами.

– Ну почему мне тебе не верить? Сейчас на каждом шагу через интернет вовлекают молодёжь во всякие сомнительные движения...

– Это не секта, – с уверенностью перебила её Татьяна.

– Так кто же тогда? Маньяк?

– Хуже!

Собеседница растерялась в предположениях. Она перебирала в голове многочисленные варианты и единственное, чем смогла дополнить:

– Отец?

– Да что вы все привязались к этому отцу?! – взорвалась с пол оборота Маркус.

Её неожиданная реакция тут же преобразовалась в молчание.

– На самом деле мне он отчим, это сестре отец, – спокойно продолжила она. – Отчим тут ни при чём! Да! Он дурак и алкан! Руки распускает... Любит учить нас жизни, напьётся и гоняет... ремнём грозитя выдрать... А когда трезвый, он душка. Начинает вину замаливать, шоколадки нам покупать... Мы с сестрой ему всё простили. – Пациентка нервозно приняла полусидящее положение, губы надулись, здоровую руку она по-хозяйски подсунула под другую, загипсованную. – Следовательно, когда пришёл в самый первый раз... я попросила, чтобы отчима отпустили, а он начал меня убеждать в обратном, уговаривать, чтобы я его не покрывала... Я психанула и сказала, что больше вообще ничего не скажу!

– Вот поэтому и не отпускают. Ты же не говоришь, кто вас так покалечил на самом деле.

Лопухина притихла, наблюдая, как девушка нервно обкусывает губы.

– Не говорю, потому что никто не поверит.

Маркус взялась за кожу на околоногтевых валиках, та была изрядно огрубевшей и с трудом поддавалась зубам.

– А если я поверю?

Татьяна резко прервала своё занятие.

– Вы? – Она взглянула на медсестру скептически. – Со-

мневаюсь...

– Я отличаю по лицу, когда врут. У нас в стационаре говорят, что мне врать бесполезно, я чувствую враньё за километр.

Девушка сначала поколебалась, а затем демонстративно выставила вперёд своё круглое лицо, чтобы собеседница видела его лучше.

– Ну тогда смотрите! Буду я сейчас врать?

Она глубоко вдохнула и понесла полную околесицу:

– Это всё тварь в лесу, ведьма, понимаете? Нечисть, злой дух, старая карга! Это она на нас набросилась! Знаете, какая она страшная? – Маркус выпучила глаза. – Да она земли практически не касалась! А на ногах у неё какие-то скобы из металла – я таких никогда не видела. И они несколько не мешали ей быстро передвигаться. За руку схватит – словно ожог... Вот смотрите! – Татьяна выставила вперёд запястье. – И голос... У неё такой голос, как испорченная звукозапись в другом диапазоне... Она смотрела мне прямо в глаза и говорила басом: «Таня-а-а... что ты здесь делае-ешь?» А потом погналась за сестрой, схватила её пятернёй с длинными скрюченными ногтями за волосы, кричит: «Марья-ана-а... почему ты убега-а-ешь? Я заберу тебя с собо-о-ой...» Она и имена наши откуда-то знает! Всё про нас знает и про отца тоже! Она – настоящий ужас, такой не придумаешь, просто нечто!

У Олеси отвисла челюсть, она смотрела растерянно, не

зная, как теперь выпутываться.

– Вы же сами сказали, что отличаете! Врала я сейчас?! – Татьяна настойчиво моргала карими, немного вылупленными глазищами. С таким выражением лица она походила на ребёнка детсадовского возраста, сообщившего взрослым о реальном существовании Бабы-Яги.

В дверь нерешительно постучали – не дождавшись ответа, слегка приоткрыли. В образовавшемся проёме показался длинный нос, а затем загипсованная рука больного Пилипенко. Как оказалось, постовая медсестра срочно потребовалась в одиннадцатую палату. Медсестра уставилась на больного долго соображая – кто понадобился, куда...

– Мы с тобой после договорим, – запинаясь произнесла она и скрылась вслед за Пилипенко, прихватив использованные шприцы.

Таня откинулась на подушку. Потолочный свет казался слишком ярким и режущим глаза – тогда она вытянула подушку из-под себя и закинула на лицо, накрыв ею лоб и веки.

Когда отделение отходило ко сну, Лопухина заглянула. Девушка спала, открыв рот, по-прежнему с подушкой на верхней части лица и издавала посапывающие звуки. Медсестра погасила свет, после чего направилась по коридору в сторону стеклянного поста. Этот разговор не давал ей покоя всю оставшуюся ночную смену.

Утром, когда больница снова превратилась в миниатюрную модель мегаполиса, Лопухина перед уходом заметила

ковыляющую в туалет Татьяну. Её волосы, наспех приглаженные рукой в отсутствии расчёски, небрежно топорщились, одета она была в больничный цветной халат. Черепашьим темпом спина с зелёными ромашками и синими стельками завернула в дверной проём больничного санузла.

По возвращении домой Олесю терзал вопрос: сколько всего может произойти за пару выходных в её отсутствие... Злой дух, о котором обмолвилась девушка мог стать результатом галлюцинаций, что тоже не вызывало облегчения. Подобные симптомы появляются в результате шизофрении или использования галлюциногенов: таблеток, травы, грибов, сорванных в лесу. Ведьма могла быть как абсолютно несуществующим явлением, так и искажённой формой живого человека, например, кого-то из друзей. Досадно, что вторая участница событий пока не могла ничего рассказать – Олеся с удовольствием послушала бы её версию и поставила бы предположительный диагноз. Всё стало бы на свои места, так как одинаковых галлюцинаций у разных людей не бывает.

В следующую смену от двери до двери с грязным постельным бельём сновала Наина. Лопухина остановилась рядом с ней, заправляя волосы под колпак.

– Ну что, Наина Филипповна, какие дела в четырнадцатой палате?

Та мимолётно бросила суровый взгляд, грубо ворочая подушкой. Натянув на неё свежую наволочку, Наина взяла в охапку грязное скомканное бельё и двинулась по коридору,

спокойно отчитываясь на ходу:

– Да истерика у неё была ночью. Кричала, вскакивала, порезалась о разбитую тарелку... Я осколки из-под кровати с утра выметала.

В соседнем крыле пронзительно издал «пулемётную очередь» перфоратор, к нему присоединился другой: ремонтники активно взялись за прерванную работу.

– Вот тебе и порезы на теле... – пробурчала Олеся под бесящие звуки и равнодушно прошла мимо четырнадцатой.

После врачебного обхода она понесла туда назначения. Маркус лежала отрешённо, на её теле добавились новые пластыри – на здоровой руке.

– Скоро на тебе живого места не останется. Буянишь?

Олеся высыпала таблетки на пустую поверхность тумбочки, сразу убирая флакон из стекла в карман от греха подальше. Больная сопровождала её действия взглядом, полным разочарования, и когда та застыла в ожидании ответа, самодовольно произнесла:

– Я же вам говорила – не поверите! – На последнем слове она сделала акцент, проговаривая его по слогам.

Медсестра нависла прямо над ней, всем видом давая понять, что пора бы им начать откровенный диалог, считая, что кроме неё самой из этой малолетки, склонной к острым ощущениям, никто правду не выбьет.

– Кто тебе нанёс повреждения, с которыми ты прибыла сюда?

Маркус надула щёки и покосилась исподлобья.

– Вам я могу сказать...

Больная о чём-то подумала, затем спохватилась и пригрозила:

– Но, если вы кому расскажете, я отрекусь от своих слов!

– Ну и?

Татьяна натянула повыше одеяло и как всегда по-деловому скрестила покалеченные руки на груди.

– Это сотворила Марьяна, моя сводная сестра. Она меня била. Но она не хотела этого делать, ею управляла старая ведьма. – Пациентка смотрела в упор, не моргая, не оставляя сомнений, что говорит она сейчас чистейшую правду, или в такую безоговорочно верит. – Та старуха её заставила меня привязать и глумиться надо мной. Только я вас предупредила – кому расскажете, я всё буду отрицать.

– М-да, девочки-и... – Лопухина собралась на выход. – Чем вы только не занимаетесь, в какие опасные игры вы только не играете... А результат налицо. Значит Марьяну до полусмерти изуродовала ты?

Девушка вздрогнула и замерла, вытаращив глаза. Её испуганная гримаса начала переходить в состояние возмущения.

– Да я её пальцем не трогала!

– А кто тогда?

– Я же говорю – ведьма!

Медсестра, засунув руки в карманы, сделала несколько шагов обратно к кровати. В её лице угадывалась ирония.

– Значит, получается... тебя – Марьяна, Марьяну – ведьма. Так?

– Именно!

– Ладно. – Олеся снова нависла над больной. – Кто с вами был третий? Скажи честно.

– Карга! – ни на минуту не задумываясь, ответила Маркус.

– Ясно.

Медсестра развернулась на каблуках по кругу и демонстративно пошла к двери. Татьяна не стала её задерживать, пытаясь принять решение: уж не вернуться ли ей снова к обету молчания...

В часы посещения перед постовым «аквариумом» возник худой долговязый мужик в клетчатой рубашке, застёгнутой до последней пуговицы, с большими накладными карманами на груди. Из левого кармана топорщился сложенный в несколько раз документ; мужчина выглядел обеспокоенно, шея его была изогнута с выдающимся вперёд подбородком, спина сутула – так он напоминал болотную птицу, либо просительный знак.

– Извините, – заговорил он виновато, – в какой палате лежит Маркус Татьяна?

Олеся уставилась на него оценивающе: в этой старомодной клетчатой рубашке он выглядел, словно червяк, выбравшийся на поверхность, и ему не надо было представляться – отчим и отец, звезда городских сплетен, незаслуженный заключённый – только он мог иметь подобный вид, только он

мог смотреть по сторонам взглядом побитой собаки.

– Мар-кус... – попытался повторить он более чётко.

– Я поняла вас.

Медсестра вышла к нему навстречу.

Перед ней стоял явно хронический алкоголик, находящийся в стадии ремиссии, и хотя она понимала без особого труда, что в больницу прибыл один из главных персонажей этой загадочной истории, но удивлялась – зачем. В руке он трогательно сжимал сияющий новизной пакет, в котором просвечивались фрукты.

– Что вы там принесли? Ей можно не всё подряд.

Мужчина распахнул перед ней пакет. За фруктами виднелась палка копчёной колбасы.

– Колбасу забирайте – ей сейчас нельзя никакие копчёности. А там что?

Отчим с хрустом вытянул блестящую упаковку.

– Чипсы – она их любит, – пояснил он виновато.

– Чипсы тоже забирайте. А что там на дне?

– Чупа Чупс.

Мужчина полез рукой на самое дно, чтобы продемонстрировать эксклюзив, который он принёс.

– Забирайте! – Олеся не стала дожидаться, пока он его выловит со дна пакета, потом передумала: – Хотя нет... оставьте. Отнесите бананы, йогурт и этот ваш... Чупа Чупс.

Мужчина захлопнул пакет, войдя в стадию боевой готовности – сейчас его предъявят избитой падчерице.

Олеся сопровождала его до четырнадцатой, чего она не делала никогда в отношении родственников других больных. Когда он исчез за дверью, её начал расpirать интерес. Хотелось найти причину, кинуть во флакон дополнительную дозу безобидного лекарства, чтобы был повод войти в палату... Но Татьяна за прошедшие дни освоилась и уже знала – когда и что ей приносят. Этот визит вызвал бы подозрение.

Через определённое время отчим вышел из палаты расстроенный, со слезящимися глазами, произнёс, проходя мимо поста: «До свидания!» и покинул отделение. Лопухина после того, как он скрылся за углом, тут же позабыла про завал работы и юркнула в четырнадцатую.

Маркус в это время с удовольствием наворачивала банан.

– Ко мне отшим прыходыл, – выпалила она сразу с набитым ртом, не будучи в курсе, что Олеся давно срисовала его вдоль и поперёк. Все мысли медсестры были только и заняты его приходом.

– Выпустили? – Лопухина брякнула наобум, лишь бы что-то вставить и не показывать столь явного интереса.

– Ну да... Он же не виновен. – Татьяна отбросила кожуру на тарелку, взялась распечатывать Чупа Чупс, настроение у неё было приподнятое. – Он уже полтора месяца не пьёт, исправляется... Хоть какая-то польза от нашего побега. Наказание не прошло даром.

Медсестра опустила на соседнюю кровать.

– Про что ты?

Маркус откинулась на подушку с торчащей из уголка рта белой пластиковой палкой, издала громкий выдох.

– Из всех, с кем я общалась, только вы малость верите моим словам... – сказала пациентка. – По вашему лицу это видно. Сомнения, поиск истины... А все остальные – противные, занудные, зацикленные сухари! Нашли козла отпущения, отчима, и стоят на своём. – Карамель громко загромыхала в зубах. – Говорят мне: «Он вас запугал? Не бойся... Мы его посадим. Он вам больше ничего не сделает. Ты только заявление на него накатай».

Резкий порыв ветра задёргал приоткрытой оконной рамой. Олеся подошла к окну, наглухо закрыла его и окинула взглядом ненастную обстановку на улице: быстро набежали тучи, небо почернело, ветер подбрасывал всё, что попало ему на пути, взвинчивал клубы пыли вперемешку с опавшими листьями. Вероятно, снова надвигались ливневые дожди.

– Ну а как же было на самом деле? – спросила Олеся, присев на край соседней кровати.

Пациентка перевела взгляд с потолка на медсестру и перестала громыхать карамелью. Вытащив её изо рта за конец трубочки рукой, залепленной лейкопластырями, она облизала губы, произнесла с виноватым видом, опустив глаза:

– Это отчиму надо на нас с Марьянкой заявление катать... Мы его подставили, понимаете? – Карие радужки вновь уставились на Олесю. – Мы организовали побег специально с та-

ким расчётом – не взяли телефонов, одежду не тронули, постель оставили не заправленной... В общем так, чтобы все подумали, будто бы он нас укокошил.

Дверь распахнулась. Наина вошла задом, подтаскивая за собой наполненное водой ведро и швабру. Диалогу суждено было прерваться. Олеся сразу молча вышла, чтобы у санитарки не возникало предположений, что постовая медсестра вместо выполнения своих обязанностей часто засиживается в палате под номером «14».

Вечером, перед отходом отделения ко сну Олеся занималась бумажной, рукописной и канцелярской деятельностью: что-то подклеивала, нарезала, что-то записывала, подписывала, вкладывала, а заодно прислушивалась к беседе женщин-коллег с выздоравливающим больным Смирновым. Разговор с Маркус не давал покоя, что-то было не так. Несмотря на несуразные объяснения, чувствовалось: жертва, попавшая в переплёт событий, не врёт и не повторяет чужой текст под чью-то дудку.

За всё время пребывания в стационаре Маркус ни с кем не вошла в контакт, а с ней, с Олесей, разговаривает охотно, делает откровенные признания, хоть и бредовые...

Смирнов, общительный мужчина в расцвете лет, облокотился о стойку поста, словно о стойку бара, он пытался привлечь внимание обаятельных работниц травматологии. По всей видимости в мужской палате его красноречие не производило должного эффекта перед сонной лежачей аудиторией.

ей – битыми мотоциклистами и другими участниками ДТП.

Олеся оторвалась от писанины, с улыбкой наблюдая за коллективом. Раздался взрыв хохота. К смеющемуся коллективу приковылял ещё кто-то загипсованный. Олеся ушла в раздумья, но улыбка на лице так и осталась. Казалось, что она сейчас принимает участие в обсуждении, но на самом деле она анализировала произошедшее с юными сёстрами, витала в собственных мыслях, не выдавая ничем оторванность от коллектива.

...Старая ведьма бродит по лесу и страшит девочек: нападает на них, доводит до реанимации – Олеся задумчиво почесала карандашом переносицу. Вряд ли они признаются, что накануне принимали. Обычные глюки от психотропов, ничего удивительного тут нет. Надо выяснять и это кажется очевидным по характеру повреждений – с ними был кто-то третий. Может их собралась целая компания – устроили вакханалию, затем обкурились, передрались, а результат налицо. Олеся перевела взгляд: в стороне, с серьёзным выражением, подперев спиной стену, стояла Маркус. Безделье и одинокое пребывание в палате вынудило её прибиться к группе людей. Татьяна слушала о чём они говорят, хоть и без явного интереса. Заметив, что на неё пристально смотрят, она развернулась и поковыляла на свою койку.

Когда больные разбрелись по палатам, и свет постепенно начал в них затухать, Маркус прошла мимо поста, затем обратно. По прошествии часа Олеся заметила её вновь. Когда

та возвращалась обратно, медсестра не выдержала.

– Не спится? – спросила она. Та в ответ отозвалась невнятно, но сразу остановилась. – Шоколадку хочешь? – Олеся отломилла несколько квадратов и протянула, сама при этом уже смаковала.

Ей стало жаль девчонку, которая до сих пор ходила в больничной одежде, ела из больничной посуды и довольствовалась тремя бананами с одной карамелькой на палке.

Угощению Татьяна обрадовалась, сделав одобрителный кивок. Медсестра предложила присесть.

– Мы с сестрой каждый вечер пьём чай с молоком вприкуску с шоколадом, – произнесла Татьяна, попробовав маленький кусок. – Не знаете – как она сейчас?

Медсестра неуверенно отреагировала пожиманием плеч.

– Пока без изменений. Ты не волнуйся, я первая узнаю, когда она придёт в себя. У меня свой человек работает в реанимации, так что... сразу известит.

Маркус немного оттаяла, после чего залюбовалась красочным календарём.

– Я была ещё мелкой, когда моя мама вышла замуж за вдовца. – Сейчас Татьяна говорила как взрослая, детские гримасы и интонация девочки-глупышки сразу куда-то исчезли. – И у этого вдовца была маленькая дочка, мы с ней оказались почти ровесницы. Мы с Марьянкой быстро спелись – это было скорее рождение нашего с ней союза, а не бессмысленного брака матери с отчимом. Иногда бывает та-

кое ощущение, что мы с ней самые настоящие кровные сёстры, а никак не сводные...

Голоса, доносившиеся из палат, стихли совсем – больница погрузилась в повальный сон. За окном продолжали светиться сотни окон многоэтажек – город не придерживался правил больничного распорядка.

– Но после шести лет брака, – продолжала Маркус, – мама заболела и умерла. – У неё выступили слёзы. – Меня хотели родственники к себе забрать, да только я упёрлась, что мы с Марьянкой ни при каких обстоятельствах не расстанемся. – Чем больше она улавливала интерес в глазах Олеси, тем больше ей хотелось рассказать. – Меня даже силой пытались увезти к двоюродной тётке, которую я толком не знаю, а я убежала и неделю в сарае просидела в нашем потайном месте – Марьянка втихаря еду мне таскала. А остальные тогда просто чокнулись с моим розыском – так же листовки по городу висели.

Звезда заборных листовок оказалась интересной рассказчицей, и Олеся совершенно забыла про желание прикорнуть на кушетке в сестринской, сейчас её больше всего волновала исповедь пациентки, которая говорила и говорила без умолку.

– А дальше... Дальше сестра не выдержала и проговорила отцу – вот с того момента он вроде активизировался, начал бороться за меня, чтоб я с ними осталась жить, доченькой называл, плакал. И родственники отвязались. От нас все

отвязались, потому что отчима в округе прозвали «роковым вдовцом». Про него такие легенды ходили... И что он жён своих на тот свет отправил... И вообще, если кто пропадал где-нибудь на другом конце города, сразу на него пальцем показывали, за спиной у него шептались – людям ведь надо языки почесать.

Тот червяк в старомодной рубашке, подумала Олеся, оказывается роковой мужик, центральная фигура главных сплетен на районе. Кто бы мог подумать...

– Марьянка из-за этих сплетен сильно переживала, – рассказывала Маркус. – Это я общительная, а Марьянка... она у нас такая... замкнутая при чужих, общается с узким кругом. Думаю, в этом вина злых языков – она сильно по этому поводу комплексовала. Зато знаете, как она хорошо рисует, ну там мультяшки всякие... Она строит из себя такую взрослую, а на самом деле ещё дитё...

Кто бы говорил, подумала Олеся, если это дитё сейчас ту, другую, дитём называет, то страшно представить какое дитё лежит в реанимации...

– После смерти моей матери, – продолжала Татьяна, – отчим всё чаще стал приходить домой под шафе и с каждым разом по нарастающей. Заходил в коридор, уже с порога начинал корячиться... Видит: мы не спим, запрётся к нам и давай нас жизни учить. Мы с Марьянкой мечтали, чтобы он возвращался как можно позднее, когда мы улеглись, чтобы не видеть его пьяной рожи, и чтобы он к нам не вламывался

каждый раз. Трезвый вроде человек человеком: на собрания родительские ходит, вникает что к чему, и задачу по математике решит за нас... Ну короче, нормальный, когда трезвый. А вот напьётся... Всё! Разбегайтесь кто куда... Начал гонять нас за беспорядок, за двойки, за его неудавшуюся жизнь... А мы-то в чём виноваты? С какой стати он выставил нас причиной всех его бед, заставил за всё отдуваться? Мы-то тут причём?

– Успокойся, Таня, вы ни в чём не виноваты, – поддержала Олеся.

– Ну вот... А он начал за нами с ремнём гонять... Один раз ножницами в меня запулил. Знаете, как было больно? У меня потом такой синячище проявился возле глаза. И Марьянку дубасил – совсем с катушек слетел. Короче, надоело нам. Решили мы его как следует проучить.

– Я уже догадываюсь, что было дальше... – вставила Олеся. – И чья была идея?

Маркус мысленно перенеслась в июньский вечер, такой же, как этот, полный таинственности и неопределённости. Отчим завалился спать в старой бане, разумеется, в состоянии полной прострации, как раз перед этим произошло очередное рукоприкладство с полётом тяжёлого табурета, расколовшегося в момент приземления на части. По пути табурет зацепил Марьянину бровь. Назавтра у сестёр намечалось участие в грандиозной вечеринке, к которой они тщательно готовились почти полгода, но с таким синяком на лице Ма-

рьяна идти отказывалась.

– Может за сутки спадёт? Давай тональником попробуем замазать! – Таня сочувствовала и кружилась вокруг неё, успокаивала, обнадеживала, но любое прикосновение к синяку вызывало у сестры жгучую боль, тональник не спасал, и Марьяна расплакалась.

– Ненавижу его! Надоело это терпеть! Он не только роковой вдовец, но ещё и роковой отец! Было бы куда свалить, я давно бы свалила!

Марьяна кричала навзрыд, и сестра, слушая её с опущенными промеж колен руками понимала, что права она на все сто. Только сваливать было некуда, сколько не вой... То были крики от безысходности. Боль, вызываемая гематомой над глазом, казалась ничтожной в сравнении с болью в душе.

Марьяна смолкла, напряглась, гоня извилину... Опухшее лицо на чём-то сосредоточилось – в данный момент она активно шевелила мозгами, рождался какой-то план.

– Ты случайно не помнишь Илью? Того, у которого предки уехали за рубеж... – В этих словах не было преступления, но Татьяна смекнула не сразу: почему сестра обратилась к ней еле слышно, да ещё наклонилась как можно ближе, бросая тревожный взгляд?

В обзор Марьяны попала открытая форточка – девушка не поленилась встать, чтобы её прикрыть, задёрнула шторы. Назревала приватная беседа без ненужных свидетелей и случайных слушателей. Маркус молча следила за её перемеще-

нием, пытаясь понять: к чему такая смена настроения, что с ней произошло? Марьяна прислушалась, затаив дыхание: на улице стояла тишь – во дворе ни единого звука, от бани тоже не доносилось ни шороха, ни бряцанья дверной защёлки – одни собаки, ленивый лай которых навеяло ветром издалека.

– Илья... Какой Илья? С которым вы в «Контакте» познакомились? – Татьяна наконец сообразила.

Сестра уставилась в телефон, поводила, пролистала, после чего выставила перед ней экран с изображением благополучного парня на фоне пылающего костра.

– Недавно мы с ним пересеклись в гипермаркете, в том, огромном, что на проспекте Мира... – Она продолжала вводить в курс дела тем же полушёпотом, будто делилась секретной информацией. – В кафе посидели, короче, я призналась ему, как мы на самом деле живём... – Во время разговора она непринуждённо перелистывала многочисленные снимки с его страницы: закаты, рассветы, горы, водопады... – Он предложил мне одну идею... – Девушка отложила телефон на стол. – Как можно отца нашего проучить.

– Я вся во внимании, – сказала Маркус.

Пришло смс – обе вздрогнули от неожиданности, новый сигнал у Марьяны стоял дерзкий – хлопок, короткий и настораживающий.

– Фигня... – отмахнулась от смс Марьяна, затем продолжила делиться секретом: – Родители Ильи вместе с ним ещё до отъезда ходили по походам. Ну повернутые они на ту-

ризме. Вот, смотри... – Снова засветился экран. – Здесь он у озера, здесь – у пещер... Видишь – полная экипировка. У него вообще крутое снаряжение – он мне рассказывал. У него чего только нет.

– И что вы предлагаете? Я вижу, вижу...

Марьяна подалась вперёд, затаив дыхание. Глядя сестре в глаза исподлобья, она начала излагать ближе к делу:

– Илья снабдит нас всем необходимым: даст крутую палатку, горелку газовую с баллонами, котелки походные, спальные мешки... Даже удочки даст – рыбу ловить сможем. Представляешь, как прикольно?

– Не представляю... – Татьяна вяло покачала головой.

Марьяна обежала взглядом по сторонам, заговорила ещё тише:

– Да что тут непонятного? Тайком уедем в лес!

Сводная сестра вылупила на Маркус глаза, недоумевая: почему ей приходится настолько подробно всё разжёвывать? План в её понимании казался гениальным.

Заметив, что та всё-таки не врубается, она продолжила разъяснять:

– Илья отвезёт нас на своей машине, а отец пускай разыскивает... Учитывая его репутацию «рокового барана», полиция затаскает его по допросам. Может вообще в камере посидит какое-то время – ему полезно будет.

– Подожди... Как мы уедем тайком?

– Да мы всё продумали... – Тон у Марьяны достиг апо-

гея заговора. Оказывается, она далеко не безобидное юное создание, в ней сидел отпетый махинатор. – Когда отец свалит на работу в ночь, мы оставим здесь всё, как есть: постели не заправленными, телефоны разбросанными, вещи все оставим на своих местах – только то, что было одето на нас исчезнет вместе с нами... Тёплыми вещами Илья снабдит, вдруг ночи будут холодными. И потом незаметно пробежим огородами за посадки, а там Илюхина машина дожидаться будет. Никто не увидит, как мы уедем. Крутой план, правда?

– М-м... И сколько мы будем в этом лесу торчать?

– А вот тут надо набраться терпения – до конца лета, как минимум. Зная нашего отца, он спохватится только через недельку-другую. Пока с кем-либо поделится своими подозрениями, пока туда-сюда...

Татьяна удручённо запрокинула голову назад, сморщив лицо, будто наелась кислятины.

– О-о-ой, ну нет... – сказала она. – Я так долго не смогу... Я там чокнусь. Да и питаться чем-то надо будет.

– Насчёт этого не волнуйся: Илья нам полные рюкзаки набьёт походной едой – он парень не из бедных. Он классные консервы достаёт, типа армейских: тушёнка, борщи, даже нормальный сыр и сливочное масло, закатанные в жестяные банки. Уху будем варить... Наберём с собой картошки, крупы... Знаешь, как классно! Не пропадём! Люди в походах так и живут: в реках купаются, в роднике воду набирают... Купальники с собой возьмём. Романтика! А ещё он знает ме-

ста, где не ступала нога человека – нога его семейства не в счёт.

Реклама проведения романтических каникул до сих пор Татьяну не впечатляла, та реагировала сухо в отличии от сводной сестры, заводящейся от собственных слов.

– Блин, Марьян, там наверняка звери водятся: медведи, волки... Я их пипец как боюсь!

– Да никого там нет, кроме лося! Ну зайцы, лисы – их-то чего бояться? У него палатка дорогая двойная – в неё ни один зверь не заберётся, в ней ни жарко, ни холодно, в ней, как в маленькой уютной квартирке. Даже двуспальная кровать имеется – специальный надувной матрац. Вот такая высокая... Щ-щас я покажу тебе на фото...

Пальчики Марьяны мягко заскользили по экрану, затем она выставила перед сестрой одну из сотни походных фотографий, на которой блаженный Илья распластался на добротном надувном матраце, подложив под голову руки.

– А как же цивилизация, интернет? – взглянув на гаджет, спросила Татьяна.

– Да ну её нафиг – цивилизацию! Я лучше без интернета буду жить, зато никто мне над ухом орать не будет, да ремнём перед мордой размахивать, а уж табуретками в меня швырять тем более.

– Ну я не знаю...

Глаза Марьяны вспыхнули – почти уговорила.

– А этот Илья... Что ты о нём знаешь? Ты с ним встре-

чалась-то пару раз... – Татьяна вернулась на исходную, обламывая и обламывая затею. Её занудствам не было конца, отчего сестра громко измождённо выдохнула.

– И что?! – возмутилась она. – Мы с ним целых полтора года переписывались...

– Ага! Раз в месяц по сообщению!

– И что раз в месяц?! Этого достаточно, чтобы узнать человека... Что он нам сделает?

Маркус вскочила с места, раздражённо слоняясь из угла в угол. Так она напоминала свою мать: задумчивую, осторожную и подозрительную на фоне сумасбродной сестрицы – копии своего папаша.

– Отвезёт в жопу мира и бросит! – выпалила Татьяна. – Как мы оттуда выберемся? Ты об этом подумала?

– Он же и заберёт – мы с ним договорились.

– А если не заберёт?

Марьяна психованно фыркнула.

– Ну почему не заберёт? У нас же будет в залоге его арсенал. За своими пожитками он точно вернётся.

– Знаешь, что мне больше всего не нравится в вашей затее? – поразмыслив спросила Татьяна. – То, что об этом никто не будет знать, кроме нас троих и если чего случись...

– Тань, мы не на Марс улетим...

Обе притихли.

– И вообще... – завелась Марьяна. – Не нравится моя затея, не соглашайся! Я одна в лес упрусь и буду там жить...

Козырь был найден. Такого старшая сестра никак не могла допустить. По одному её виду стало ясно – она согласна.

– Ну что, назначаю встречу Илье? – Марьяна уставилась в ожидании ответа. – Даём добро на эту авантюру?

Всю следующую неделю в доме сестёр витал дух заговора – его бы заметил кто угодно, адекватный и внимательный, но только не вечно пьяный родитель. Сёстры вели себя подозрительно тихо, тем временем они складывали в ящике дивана припасы.

Илья получил ответ – Марьяна назначила встречу с чужого номера, чтобы не оставлять следов, по которым на его контакты могли бы выйти. Зачинщик авантюры был одним из многочисленных контактёров в массе бестолковой переписки, какую можно найти у большей части молодёжи: «Привет!», «Ты классная!», «Чем занимаешься?» и тому подобное, к тому же последний раз Марьяна с ним списывалась месяц назад. Диалог как всегда закончился пустословным «Ну ладненько...»

В тот день, когда они с Ильёй случайно столкнулись в гипермаркете – это было дня за три до того, как отец швырнул в неё табуретом, на вопрос Ильи: «Как поживаешь?» Марьяна сразу расплакалась. Ему понадобилось время, чтобы она успокоилась, и разговор свёлся к размышлению, как утихомирить безумного отца. Тогда Илья, сочувствуя ей, предложил свою идею, та обещала подумать. При следующей встрече, назначенной Марьяной, план был утверждён окончательно.

но: никаких звонков, никакой переписки – следующий раз они увидятся в ночь отправки.

– Этот способ проучить отца самый действенный, верняк! – продолжала накручивать сестру Марьяна. – Ну представь: пошли мы жаловаться на него в полицию... И что? Знаешь сколько там таких семей неблагополучных приходит жаловаться? А теперь мы стали совершеннолетними. Кому мы теперь нужны? Нас же не переселят в другой дом, не выделяют квартиру. И в отношении отца... Ну и что? Побеседуют с ним по душам, а он от этого только злее станет.

– Можно подумать, после нашей выходки с исчезновением он злее не станет... – скептически отреагировала Татьяна.

– А мы ему после того как преподадим урок не кинемся рассказывать, что уезжали с палаткой рыбачить... Скажем, что смотрели как обычно телек и вдруг увидели светящийся шар, который плыл прямо на нас... А потом провал! Ничего не помним! Мы с тобой станем ключевыми фигурами в истории о похищении людей пришельцами. Репортёры набегут... Уа-а-ау! – Она взмахнула руками, изображая восторг. – Обступят с микрофонами со всех сторон. А потом начнут приглашать на ток-шоу. Отец, наоборот, от нас шарахаться начнёт, вдруг в нас самих что-то вселилось, как в том фильме, вдруг за нами сверху наблюдают? Да и вообще... Мы станем популярными – разве он посмеет нас тронуть...

– Ага! Будто наше враньё не раскусят...

– Да кто нас раскусит с таким гениальным планом? По-

ка мы будем с тобой природой любоваться, там всё и обговорим, придумаем подробный сценарий нашего исчезновения... Я уже так и вижу перед собой, как открываю глаза... – Марьяна, наоборот, их томно прикрыла. – А надо мной нависли странные серые... нет, серебристые существа, похитившие меня ради экспериментов, и я снова теряю сознание... Бах! И снова в прострации... А если спросят: сколько времени прошло, скажу, что проваливалась в забвение на пять минут. Мне скажут: а вы знаете какой сегодня день? Сейчас август месяц. А я вытаращу глаза и отвечу: этого не может быть! Какой август месяц? Я только что потеряла сознание, очнулась, а мне говорят, что я побывала в бермудском треугольнике...

Татьяна наблюдала за сестрой с иронией, по её лицу постепенно расплывалась улыбка. Одновременно она протираала влажной тряпкой полки с учебниками, хотя до отъезда оставалось всего два дня. Марьяна не стала её отговаривать от уборки – план от этого становился только совершеннее: здесь жили хорошие девочки, и в их комнате царил полный порядок. А в другой комнате тем временем выстроились в ряд пустые бутылки среди переломанной, стянутой скотчем мебели, потому что на неё периодически заваливалось невменяемое пропитое существо, называющее себя отцом.

– Илья нас так же посадками домой привезёт и так же по темноте. – Марьяна всё продолжала строить планы. – Снова переоденемся в домашние шмотки и сядем перед телеком

как ни в чём не бывало с офигевшими глазами... Докажи обратное!

– Интересно, как ты будешь объяснять появившийся загар?

– Да кто его видел... наш загар? Откуда кто вспомнит, какой у нас был загар до исчезновения? Я и сейчас загорелая – взгляни на меня!

Татьяна тем временем добралась до шкафов с одеждой – её рука с тряпкой лихо сновала, не обходя вниманием всё свободное пространство полок, поднималась выше, протирали от пыли стенки, потолок.

– Тебе не противно, что в наших вещах будут копаться какие-то дядьки с обыском? – спросила она.

– Ой, я тебя умоляю... Если бы именно нас с тобой в чём-то подозревали, то может быть... перетряхивали бы каждую вещь в нашей комнате, а то будут подозревать отца, поэтому примутся за подвал, за сарай, по участку пройдутся с собакой – места свежих захоронений поищут.

– Кстати, о собаках... А если она возьмёт наш след, ведущий за огороды?

– Надо в инете поискать, чем отбивается запах. – Марьяна тут же схватила телефон.

– Не вздумай! – запротестовала Татьяна. – В нашем компе всё проверят, вычислят куда мы заглядывали накануне. Сами что-нибудь придумаем. – Она направилась в ванную, прихватив с собой пакет с грязными вещами. – В любом слу-

чае, я перестираю своё бельё. Не хочу, чтобы в нём кто-нибудь рылся.

Из ванной послышались звуки запускающейся стиральной машины. Через несколько минут сестра вернулась назад и продолжила:

– А тебе советую избавиться от той упаковки с презервативами, которую тебе девчонки подарили на день рождения. Не факт, что у этих дядек всё в порядке с чувством юмора. Страшно представить, что они о нас подумают...

– Да не вопрос! Завтра отнесу и пожертвую на благотворительность...

Через день состоялся очередной конфликт с отцом, после чего тот хлопнул дверью и ушёл, бросив реплику, что «вы, девки, зазря едите хлеб и напрасно расходуете ресурсы и без того перенаселённой планеты, и если б вы отчалили на Луну, все б только перекрестились...»

После того, как скрипнула калитка за спиной отца, ушедшего на работу в ночную смену, сёстры продолжали сидеть молча – до запланированного побега оставалось около семи часов.

– Ну давай, погнали собираться! – Первой вскочила Марьяна. – Мне ещё волосы красить.

В новые дешёвые рюкзачки сёстры сложили необходимое: средства гигиены, одежду, обувь, еду. Всё, что они доставали из диванной ячейки, было куплено заранее.

Зубные щётки из ванной, вещи из шкафа, продукты из

холодильника они не трогали: отец и все остальные должны думать, что исчезли только они, в том, что было на них. И больше ничего не исчезло. Марьяна собираясь пританцовывала под музыку, у Татьяны было беспокойно на душе. Если бы не светящееся от радости лицо сестры, она бы в тот же миг бросила эту затею и отправилась гулять с друзьями. Она выглянула в окно: тучи сгущались, сверкнула молния – неподходящий день ни для прогулки, ни для палатки. Чёрно-синее небо говорило о приближении проливного дождя, возможно с градом. Сестра танцевала...

Выбор пал на побег, иначе у Марьяны случится истерика. А может действительно нормальный план? Отчим с каждым днём обращался в первобытного дикаря. Малейшая неосторожность с его стороны, малейшая несдержанность с языка сестёр, и он кого-нибудь приберёт... Насмерть.

Дождь начал накрапывать, когда все вещи были собраны. С собаками не стали заморачиваться – впереди ожидался такой ливень, что ни одна служебная овчарка не уловит следов, особенно к затяжному моменту переобращения отца в забеспокоившегося по дочерям родителя. Интересно, Илья не передумал?

– А ты муку взяла? – встрепенулась Татьяна по окончании сборов.

– Зачем?

– Рыбу обваливать.

Сёстры топтались у порога в одинаковых синих кедах и се-

рых ветровках, рюкзаки стояли наготове. Входная дверь протяжно скрипнула от сквозняка – вот-вот они готовы были двинуться на выход. Марьяна не разуваясь прошла в кухню, заглянула в стол, где стояла начатая пачка муки.

– Тут в столе только эта. Может отсыпать в отдельный пакет?

– Забирай её всю! – скомандовала Татьяна.

Со стороны комнаты доносились звуки атакующих монстров из включенного телевизора, по которому транслировали фантастический фильм ужасов. Марьяна не стала выключать – выдуманнные ею инопланетяне забрали их в момент просмотра телевизора, а значит, всё останется на своих местах, будто они с сестрой только что были здесь, будто они где-то рядом...

Татьяна прикрыла за собой входную дверь – её не всегда запирали и не было ничего удивительного в том, что она осталась просто прикрытой. Дождь уже тарабанил вовсю по карнизам, ему создавал дуэт южный ветер, бьющий безжалостно в рамы. Ветер швырял из стороны в сторону гибкие кроны растений, сбивал незрелые плоды. Ветви скреблись о старый шифер, дождевая вода стекала по его волнистым рядам ручьями.

Девушки с заплечными рюкзаками обогнули дом тихо, незаметно, и даже если бы они громыхали, переговаривались и смеялись, их всё равно бы никто не услышал – сегодня царствовало ненастье, дождь глушил всё. Сверкнула молния, на

секунду озарив дворовые постройки, словно вспышка фотокамеры, раздались пугающие раскаты грома. Татьяна оглянулась в последний раз: окно комнаты отчима бледно светилось – через открытые двери проникали мелькающие световые эффекты от телевизора.

Дорожка была узкой, сочная растительность наваливалась на неё с обеих сторон; кеды переступали одним ручейком от следа к следу, мокрая трава хлестала по щиколоткам. Первой через ограждение перелезла Марьяна; четыре ноги захрустели по веткам сваленной засохшей берёзы, затем они двинулись вдоль посадок, отделяющих огороды от полей, после свернули к деревьям. Внутри посадок было тепло, сюда даже дождь не проникал в полную меру, не ощущалась сила ветра.

Сквозь просвет между деревьев блеснул капот автомобиля. Фары предусмотрительно были погашены – девушки двинулись по грунтовой дороге прямо к нему. В груди у Татьяны всё сжималось, но младшая туда просто неслась, её длинные ноги ловко перемахивали через препятствия: кочки муравейников, поросль – она мелькала то тут, то там, пока наконец перед ними не предстал тёмный широкоплечий силуэт на белесом фоне злакового поля.

– Чё, помочь? Багажник занят. Запихивайте свои рюкзаки прямо в салон. – Тёмный силуэт произносил слова растянуто, с ленцой... Создавалось впечатление, что Илья привычно прервал сновидения, чтобы мотнуться разок по быстрому

делу и вновь завалиться в кровать. Его ничто не тревожило в отличие от девочек, по которым от неприятного волнения ползали мурашки, и замирал от напряжения пресс.

При тусклом свете огоньков внутри салона Татьяна взглянула на мужской волевой профиль. Крепкие скулы, небольшая упитанность, а скорее сытость – кто он, этот главный инициатор, какие цели он преследует в жизни и зачем ему понадобилась суета с переселением двух совершенно чужих особ?..

– Илья, – сухо представился он ей, навалившись мясистым плечом на спинку водительского сидения.

На нём был далеко не новый тёмно-синий спортивный костюм, из-под которого торчала рваная серая майка – вид у него был бандитский. Татьяна сидела на заднем, вцепившись в колени, готовая бежать обратно, Марьяна устроилась на переднем, её внимание сосредоточилось на заедающем замке рюкзака.

– И как мы будем устанавливать палатку под таким ливнем? – между делом спросила младшая сестра.

– А куда нам торопиться? – ответил Илья, запуская ключ зажигания. – Дождь когда-нибудь закончится.

Основная часть пути была девушкам хорошо знакома, пока они не начали кружить по лесному массиву. В какой-то момент Татьяна для себя отметила, что здесь затеряться проще, чем на Марсе. Сначала все трое молчали. Младшая беспрерывно перебирала в рюкзаке, вспоминая всё ли она со-

брала необходимое, или забыла какой-нибудь важный крем – их она набрала, как для спа-процедур, целую коллекцию. Илья периодически зевал – он напоминал безучастного таксиста, будто поездка его никак не касалась, он всего лишь извозчик. Татьяна смахивала на питомца, выдернутого из выводка новыми хозяевами, которого увозят в неизвестном направлении в неизвестную семью.

– А вы не могли придумать место поближе? – обратилась она к попутчикам спереди.

Попутчики зашевелились, начали ёрзать и крутить головами.

– Хочешь оказаться рядом с отморозками, или компанией непонятных мужиков? – ответил Илья. – Или каких-нибудь пьяных деревенских? А может ты горишь желанием потусить с грибниками-ягодниками? Увидят, что девчонки одни... домахаться может кто-угодно. – Перед каждой паузой он кидал взгляд на Татьяну через зеркало заднего вида.

– А в том месте что, совсем никого? – спросила она.

– Во-от вообще ни души, – утверждал он.

Марьяна, разобравшись с рюкзаком, решила поддержать беседу:

– И как ты узнал про это место?

– А-а, мы как-то случайно набрали... Оно на картах Гугл Мэпс едва просматривается, населённые пункты оттуда далековато. Никому не интересно это место. А зря... Там такая природа классная, вода в реке чистая, родник течёт. Грибов

и ягод там действительно завалились, только не рвите того, чего не знаете – мой вам совет.

Из него вышел бы неплохой турагент, подумала Татьяна, как завлекательно рассказывает... Девушки продолжали выслушивать перечисления всех достоинств места, куда они сейчас направлялись – Илья расписывал в радужных красках каждый плюс. Минусов не существовало, о таком месте можно было бы только мечтать.

– Твои предки из Америки ещё не вернулись? – внезапно сменила тему Марьяна.

– А они и не собираются возвращаться, – ответил Илья. – Мы ждём, когда и мне визу откроют. Который год бьюсь над этим...

– Хм... Им дали, а тебе нет. Вы же одна семья!

– Какая разница – семья, не семья... – В голосе Ильи появилось раздражение. – Американскую визу получить не так-то просто.

– А по какой причине тебе не дают? – Вопрос на сей раз принадлежал Татьяне, что заставило его резко обернуться, затем он снова стал следить за довольно-таки опасной дорогой.

– Должна же быть причина, по которой отказывают... – не унималась она.

– Да что ты к нему привязалась?! По какой причине, да почему... – одёрнула младшая, после чего все внезапно затихли.

На обочине показался промокший до нитки пешеход, всем своим видом умоляющий его подобрать, но Илья пронёсся мимо – брать никого было нельзя. Он что-то пробормотал себе под нос типа: «извини, приятель, не могу...»

– И ты вот так живёшь... вдали от родителей? – вернулась к разговору Маркус.

– Да такой я! Самостоятельный! – Парень намёк на сочувствие обратил в чувство гордости за себя. – Я один живу. Сам себе готовлю, сам стираю, сам убираю...

– Илья, а сколько тебе лет? – продолжала допытываться Татьяна.

– Двадцать пять. А чё?

– А кем ты работаешь?

Марьяна снова попыталась оборвать:

– Ты его достала своими вопросами! Сколько можно?

– Да ладно, пусть спрашивает! – «Таксист» расщедрился. – Я за семейным бизнесом приглядываю – сдача в аренду складских помещений.

Машина круто свернула с асфальтной дороги, притормозила, мягко проехала по скопившемуся лужам. За стеклом была непроглядная темень, всё, что могли видеть пассажиры – это освещаемый грязными фарами передний ракурс: однообразная дорога с однообразным фрагментом листвы.

После нескольких десятков километров тряски по ухабам Илья наконец припарковался, заехав фарами в кусты.

– Теперь будем ждать, когда закончится ливень и взойдёт

солнце. – Он потянул онемевшие части тела. – Я установлю вам палатку, объясню, что к чему и свалю – мне лучше быть на людях в городе, вдруг ниточки ко мне приведут. А я получаюсь вроде как соучастник преступления...

– Да ты не парься! – перебила Марьяна. – Я тебя от всех настолько тщательно скрывала... Кроме Танюхи о тебе ни одна душа не знает.

– И кроме одного надёжного человека, которому я отправила инфу: через кого нас искать в случае чего! – неожиданно выпалила Маркус, отчего остальные открыли рты.

– Да ты не слушай её, – расслабилась Марьяна. – Это она так... плетёт со страху... Она знаешь как дрейфила... Думала, что ты завезёшь нас чёрти куда и бросишь.

Вместе с Ильёй они захихикали над детской трусоватостью сестры, та демонстративно сделала вид, что обиделась.

Дождь закончился незадолго до восхода солнца, и лес постепенно стал наполняться щебетанием птиц. Первым дверцу толкнул Илья – в салон сразу ударил коктейль из ароматов трав и хвои. Полусонные девушки вылезли из машины, сжались от утренней зябкости, обхватили себя руками. Сырость стояла везде и всюду – не было ни одной травинки, на которой не блестели бы крупные капли росы.

– Фу-у... как мокро... – сморщилась Марьяна, потирая себя за плечи. – И как мы будем ставить палатку на такой сырости?

Она брезгливо на цыпочках обходила высокие виды трав,

её кеды быстро промокли насквозь.

– Подумаешь, мокро... Я в какой замес только не попадал в этих походах! Сейчас распогодится, красота начнётся, – обнадёживал Илья.

Вся троица вымокла в росе, пока перетаскивала снаряжение к берегу реки. Отсюда открывался пейзажный вид на сланцевый срез другого берега, на родник, стекающий в реку у его подножия. Решено было устанавливать палатку в тени деревьев, чтобы она не бросалась в глаза со стороны реки, но с обзором на эту живописную красоту.

Кемпинговая серо-зелёная палатка была рассчитана на троих-четверых отдыхающих, поэтому казалась достаточно просторной и имела тамбур, в который сразу выставили газовое оборудование для приготовления пищи. На небе не осталось ни облачка, поэтому раскладную мебель сразу распаковали и поставили на улице вокруг старого кострища – образовалось так называемое лобное место.

Внутри палатки Илья привесил фонарь, накачал громоздкий матрас, да так, что он немного выгнулся вверх – Марьяна сразу на него запрыгнула, раскинув руки и ноги. Такого довольного лица сестра у неё раньше не наблюдала.

Под старыми деревьями была ранее выкопана яма для провизии – в неё сложили все консервные банки: в земле прохладнее, чем на поверхности. Илья, как обещал, снабдил достаточным количеством продуктов: земляная яма заполнилась кашами, супами, тушёнкой, цыплёнком, рыбно-

ми консервами, маслом, сырами – при виде такого изобилия у голодных девчонок потекли слюнки. На некоторых банках отсутствовали этикетки. Разберётесь – ответил Илья на вопрос об их содержимом.

Татьяне стало ясно, почему он взялся им содействовать. Она заметила, как парень симпатизирует Марьяне. Время от времени он уделял ей знаки внимания – на фоне её девичьей хрупкости жесты его мужской поддержки выглядели многообещающе, и Маркус перестала себя накручивать, что он бросит их на произвол судьбы.

Младшая сестра уже откровенно висела на широких плечах Ильи, когда тот собрался ехать домой, закончив дело.

– Езжай осторожно! – От её заботы Татьяну тошнило.

Марьяна долго не отпускала руку спасителя и задерживала отъезд. Наконец он завёл двигатель – бампер с шелестом высвободился из кустов. Чёрный Ленд Ровер развернулся на тесной поляне и покатился по ухабам, зажигая и гася задние красные фонари. В Маркус остались два противоречащих друг другу чувства: облегчение от его отъезда и желание его вернуть.

Роковой отец возвратился с ночной смены как обычно: в комнате девочек галдел телевизор. Первым делом он посетил кухню, затем туалет, после чего завалился спать, туго заперев дверь своей комнаты, чтобы звук телевизора ему не мешал. Лишь только к обеду он неожиданно проснулся и загорелся желанием пойти их размахать, но девичья комната

была пуста. Отец расстроился – от чего не ясно: либо из-за работающей понапрасну техники, либо потому что не выпустил пар.

Всю вторую половину дня беспрестанно звонил телефон Татьяны. Сначала отец его игнорировал, скрепя зубами в адрес её забывчивости, в конце концов не выдержал и подошёл. Из трубки скороговоркой посыпался девичий голос.

Отец выслушал в пол уха, стиснул недовольно губы, сосредоточенно произнёс чётко и внятно:

– Передай этим двум безмозглым овцам, чтобы они телевизор за собой выключали. В противном случае пусть сами оплачивают электроэнергию.

В ответ последовала та же настойчивая говорня.

– А ещё им передай, – осенило отца, – что домой они могут не возвращаться, дармоедки чёртовы, лентяйки! – Дальше он вслушался. – А при чём тут Марьяна? Ну и звони Марьяне! Это вообще-то Танькин телефон!

Он отключился и уже собирался покинуть комнату, как ему захотелось набрать Марьяне и проораться. В Татьякином телефоне нашёлся контакт «Сеструха». Пошли гудки. До него не сразу дошло, что из-под подушки родной дочери в унисон гудкам доносится тихая вибрация. Не прерывая набора, он не спеша приподнял подушку, уставился. Вибрирующий телефон под конец разрядился.

– Лохудры беспамятные! – Он нервно отбросил подушку и выдвинулся по более важным делам.

Получив отпускные отец недели на полторы завис у приятеля вместе со знакомой бабой, отзывчивой на угощение в виде спиртного и закуси. Как поживают дочери у него ни разу не ёкнуло. После того, как деньги закончились, он наконец вернулся домой. Отлежался. На утро заметил, что девки опять позабыли дома свои телефоны, и на этот раз они разрядились оба. Отец выругался. Полез в холодильник – разозлился, что дочери ничего не приготовили и не выбросили протухшую еду, смердящую при каждом открывании холодильника. Злость его нарастала. В результате он сам пожарил себе яичницу из более-менее неплохих яиц и отварил макароны.

Дня через три он начал недоумевать: где девки?

Опрос по соседям ничего не дал – все только разводили руками, что давно их нигде не встречали. Отец не поленился доехать на автобусе в новые микрорайоны, где проживала Марьянкина подруга «не разлей вода» – та удивлённо хлопала глазами, не зная что сказать.

Родители подруги после его ухода позвонили в полицию, чтобы сообщить о подозрительном поведении отца-алкоголика, разыскивающего якобы пропавших детей. Позвонили немногим раньше, чем он сам туда обратился, лично. Запинаясь, отец интересовался: стоит ли ему писать заявление, или не стоит?

По прошествии времени по комнате девушек расхаживали сотрудники и сотрудницы из надлежащих органов. Чув-

ство юмора, как оказалось, у них напрочь отсутствовало. Женщина-полицейская грустными глазами рассматривала рисунки, сделанные рукой Марьяны. Рисунки были трогательными и детскими: девушка фанатела по мультгероям.

Отец во весь голос доказывал, что исчезли они без телефонов и вещей, тряс повседневными туфлями и джемперами, оставленными на местах, убеждал, что девочки пропали в одних пижамах, без какой-либо верхней одежды, чем последовательно выкапывал себе могилу. От него разил перегар, небритое лицо опухло после отпуска, который явно пошёл ему не на пользу.

Сотрудники наблюдали за ним с недоверием – огоньку добавил опрос соседей, в один голос утверждающих, что сосед их – личность тёмная, возможно, именно он повинен в смерти жён, «мрущих, словно мухи».

– Ерохин, я спрашиваю тебя в последний раз! – На нём сосредоточился грубоватый полицейский. – Ты всё проверил в доме, везде хорошо смотрел? Точно ничего не пропало? – Отец в ответ переминался с ноги на ногу. В который раз он пробежался глазами по одним и тем же предметам. – Ну что ты мнёшься, как скромница на первом свидании? Скажи, как есть! Так пропало что-нибудь?

Отец осмелел, расправил плечи и с уверенностью заявил: – Пол пачки муки.

Первое утро свободы сёстры проспали крепким беспробудным сном. Проводив Илью, они сразу устроились на ши-

роком надувном матрасе, качающемся, словно морские волны. По нему уютно рябили сквозь москитные сетки лучики света – тут их обеих и сморило. Воздух ещё не прогрелся; девушек накрывали расстёгнутые спальники, заменяющие им одеяла. Никогда сон не казался настолько пьянящим – под воздействием озона, среди запахов хвои, дикой травы и грибов.

Воробьи чирикали где-то над головой; переворачивающаяся с бока на бок Татьяна начала «булькать» матрасом – от этого обе проснулись.

– Марусь... – Младшая услышав, что к ней обращаются, лениво заворочалась. – Как ты думаешь, отец нас уже хватился?

Марьяна тягостно застонала.

– М-м-м, ага-а... Уже бросился искать с собаками, весь сбился с ног...

– Хватит дрыхнуть! – завелась Татьяна. – Давай поднимайся! Пошли территорию обследовать, а заодно жрать готовить!

К обеду совсем распогодилось, и трава подсохла. Девушки выбрались из палатки сонные, потянулись, начали обустроиваться. Пока они поглощали поздний завтрак в виде бутербродов с чаем, заспанная Марьяна вела себя пассивно и лишь окончательно проснувшись стала прыгать по поляне с радостными выкриками:

– Свобода! Абсолютная свобода! Вот она настоящая сво-

бода!

Беглянка начала кружиться, запрокинув голову к небу, и орать на весь лес:

– Всё! Никаких больше отцов! Никаких побоев на моём сногшибательном сексуальном теле! Никаких синяков на моём ухоженном лице! Не хочу ничего делать! Хочу валяться, загорать! – Её тело мякло рухнуло в траву. – И пусть весь мир подождёт...

Когда Татьяна нависла над ней, загораживая солнце, та блаженно перебирала пальчиками с томно прикрытыми глазами.

– М-м-м, травка... – Марьяна кайфовала, пребывая в лёгкой истоме.

Сестра завалилась рядом, так же раскинув руки и ноги по траве. Над ними голубело небо с белоснежными фигурами, слепленными из увесистых облаков, качались макушки смешанного леса. Пение птиц было ни с чем не сравнимо.

– А теперь я хочу купаться! – Младшая зашевелилась, пытаясь подняться. – Погнали прямо сейчас!

– Подожди, у меня купальник на самом дне в рюкзаке, – крикнула ей вслед Татьяна, не двинувшись с места.

– Нафиг купальник!

Марьяна подбежала к берегу, поспешно сбрасывая с себя одежду. Вещи падали в траву, на песок – куда попало, кружевное бельё зацепилось за прибрежные заросли. Девушка погружалась в воду, делая вид, что совсем не холодно, рукой

она хлестала по воде то вправо, то влево.

– Супер! – выкрикивала она, да так, что катилось эхо.

Татьяна раздевалась медленно, озираясь по сторонам, наконец она с опаской ступила в воду, не решаясь зайти поглубже. Младшая повернулась к ней и начала устраивать брызги.

– Ду-ура! – возмутилась Татьяна, но деваться было некуда – купание уже началось.

Солнечные лучи играли бликами на воде, девчонки шурились от солнца и брызг, дрались по-дружески и так же любя топили друг друга. Над рекой раскатывался визгливый смех, и вода уже не казалась настолько прохладной. Марьяна пристраивала на голову старшей сестре сорванные противные водоросли – та с остервенением сдёргивала их с себя и швыряла обратно в сестру. Смех не прекращался.

– Смотри, смотри, какая рыбка! – восторженно вскрикнула Марьяна.

Татьяна сосредоточенно всмотрелась сквозь взбаламученную воду.

– Обычный малёк, – произнесла она.

В минуты горящего красным пламенем заката девушки отдыхали в походных креслах, в руках у них были миски, наполненные разогретой в крышке от котелка рисовой кашей, сдобренной тушёнкой.

– Внуснотища! – Марьяна облизывалась. – Может с Ильёй поговорить, и он на зиму куда-нибудь нас пристроит, а на лето опять сюда?

– Во ты размахнулась!

– Не хочу назад возвращаться, не хочу опять к отцу. В его доме моя красота гаснет, я становлюсь забитой серой мышью, не уверенной в себе.

Татьяна выскребла остатки каши, чпокнула банкой пива, которое они предусмотрительно привезли с собой в небольшом количестве – на разогрев, облилась, и пиво потекло по подбородку за горловину футболки.

– Может нам лучше квартиру снять? – спросила она, вытирая подбородок задраным краем.

– Квартиру? На какие это ши-ши? Пока мы не начали сами зарабатывать, квартира нам не светит. Да и отец будет шастать в неё, как к себе домой, что-нибудь требовать, жизни учить... Просто дурдом переместится в другое место, только нам за это ещё и платить придётся.

Марьяна встряхивала длинными чёрными волосами, которые всё ещё до конца не просохли.

– И как же, интересно, этот вопрос может решить Илья? – спросила Татьяна и уставилась на сестру с подозрением, глазки её забегали.

– Ну-у... Найдёт нам какой-нибудь чердачок – там перекантуемся.

– Не, ну вообще нормально! – возмутилась Татьяна. – Чтобы её красота не угасала, мы будем по чердакам шариться...

– Да прикалываюсь я! Ты забыла – он один живёт... Родаки за границей и надолго. Так я надеюсь, что он пригласит

нас к себе пожить... на время.

У Татьяны отвисла челюсть. Некоторое время она сидела без движения, не зная, что на это сказать.

– Иногда я просто охреневаю... – сказала старшая сестра, медленно покачивая головой. – И в кого ты у нас такая скромная?

Перед тем, как заснуть, сёстры нагоняли друг на друга страх: толкались, хватали друг друга за разные части тела... Взвизгивали, почувствовав ползущее насекомое... Совсем одни в непролазном лесу – с ними это было впервые. Появился повод подурачиться, тут они вспомнили моменты из известных фильмов ужасов, где события брали начало в подобной обстановке. Татьяна подметила: если бы она отказалась ехать, неужели Марьяна согласилась бы жить в этой палатке совершенно одна? Окружающая тьма казалась бездонной, в кустах то и дело что-то шуршало... Две тканевые дверцы на молнии выполняли роль надёжной защиты, подобно сейфовой, хотя по сути таковыми не являлись.

Девушки затаились, всматриваясь в очертания теней за москитной сеткой, вслушиваясь в звуки, в то же время продолжая пугать друг друга. Когда одну из них приспичило в туалет, отправились вместе – вторая сторожила, озираясь по сторонам. Охраняла неизвестно от кого. И всё же обе осознавали: насколько прекрасен лесной берег в ночной тиши, с лунными проблесками воды, с неугомонными сверчками, цикадами, поющими в траве. Палатка казалась центром Все-

ленной, порталом перехода из дикой природы, созданной божественной силой, в мир уюта и комфорта – творением человеческих рук. На улице было зябко – в палатке тепло. Когда они вернулись, матрац закачался под их телами. Тонкий спальник заменял по сохранению тепла меховую первобытную шкуру, даже в чём-то превосходил её, – жить можно и в диких условиях, главное наличие современной, приспособленной для походов экипировки.

Две недели спустя Марьяна рыбачила. Вода ей была по щиколотки, одной ногой она тёрла о другую и отгоняла навязчивого комара. От закинутого крючка расплылись круги, течением отнесло леску далеко в сторону. Марьяна забросила снова. Из-за неудачного манёвра крючок увяз в водорослях кубышки, леска натянулась, и последовавшая за этим ловля обернулась борьбой за крючок.

Издали послышался рёв моторной лодки – девушка насторожилась. Сообразив, что лодка движется в их направлении, она внезапно бросила удочку на берег и выбежала из воды. Взобравшись по крутому подъёму, Марьяна потащила за собой сестру в непролазные дебри. Беглянки засели в кустах, наблюдая. Звук мотора постепенно нарастал, в результате она показалась – лодка с тремя пассажирами мужского пола. Сёстры стояли на четвереньках, скрываясь в зарослях и со страху не чувствуя, как сухие сломы травы вонзаются в голые колени. Только сейчас они в полную силу ощутили свою уязвимость. В этом райском безлюдном лесу.

Тревога оказалась ложной – моторка пронеслась мимо, оставив после себя шлейф расходящихся волн. Девушки облегчённо выдохнули, улеглись на траве, пытаясь прийти в себя.

В последующие недели беглянки стали дичать – городская красота сменилась природной. Каждое утро начиналось одинаково: волосы небрежно заправлялись в заколку, лица кое-как умывались речной водой, теперь их постоянным одеянием были купальники, за исключением нескольких дней похолодания, сопровождающихся дождями. В ненастные дни они убивали время игрой в карты, раскладывали пасьянсы, гадали. В эти дни их посещали мысли о возвращении домой, однако, вариант стоп-крана никто не предусмотрел.

После дождей повылезли грибы. Обе в лесу ориентировались плохо, поэтому далеко не отлучались, собирая грибы на ближних полянах. Но им и этого хватило, чтобы сварить из них сначала похлёбку с крупой, а в следующий раз обжарить с картофелем, который они так же привезли с собой.

– А если он всё-таки за нами не приедет? – спросила вдруг Татьяна, на которую снова напал пессимизм. – Ну всякое бывает... Вышел из дома, кирпич на голову свалился, в больницу попал, а там память отшибло. Как мы отсюда будем выбираться?

– Можно пойти вниз вдоль реки, – ответила Марьяна, ковыряясь в зубах заострённой веткой.

– А почему не вверх? Вдруг через низ переться хрен знает

сколько? Ты не могла у Ильи хотя бы карту взять?

– Ну я не думала...

Татьяна передразнила её басом, при этом кривляясь:

– Ну я не ду-ма-ла!

– Чё ты всё время паникуешь? – недовольно уставилась сестра. – С самого начала только и слышу: а вдруг, а если, а кирпич на голову упадёт... Ты хотя бы одного человека знаешь – кому упал? – Зубочистка дерзко полетела в костёр. – Говорю тебе: приедет!

– Вы и вправду две экстремалки, – покачала головой Олеся, прослушав первую часть Таниного рассказа. – Как можно вот так понадеяться на практически незнакомого человека? Приедет, не приедет... Он мог вообще тупо забыть про вас и опомниться лишь к Новому году... – Она волновалась за девочек, как за родных. – Конечно, и карту надо было взять, и рацию, и что там ещё берут в таких ситуациях для подстраховки...

Маркус виновато опустила глаза. В данный момент, потирая места заживших ушибов на травмированной голове, она соображала лучше, чем тогда и понимала степень безрассудства их поступка куда яснее. Только теперь в её соображении не было смысла – дело сделано, остаётся только надеяться, что все пострадавшие в этой истории останутся живыми.

– Значит, он за вами всё-таки не приехал... – решила Олеся, озвучив вслух.

Татьяна сразу отреагировала привычным для неё выкатом

глупых глаз.

– Откуда я знаю! – возмутилась она. – Я понятия не имею приезжал он или не приезжал.

– Как это?

Пациентка выдохнула себе под чёлку, психованно отвернулась, рассматривая ничем не примечательную краску на стене.

– Он за нами собирался приехать девятого, – забубнила она, – но тут накануне, если не изменяет память шестого числа...

Несмотря на то, что солнце давно скрылось за высоким берегом, воздух этой ночью был прозрачен, как никогда. Заросли с противоположной стороны реки хорошо просматривались. Девочки болтали ногами в креслах, луща семечки, шелуху они бросали в костёр. Ещё немного и они собирались его гасить, чтобы забраться в палатку, укрыться одеялами и погрузиться в сон.

Татьяна уставилась в одну точку, не двигаясь, от неё повеяло дрожью. Сначала она куда-то всматривалась, будто что-то разглядывала на противоположном берегу, её указательный палец с опаской выставился вперёд, голову она вжала в плечи.

– Посмотри... – произнесла она полушёпотом.

– Щ-щас! Так я и поверила! – Сестра не стала оборачиваться.

– Марусь, оно приближается к воде... Смотри!

– А-га!

– Спускается по берегу...

– Дураков нет!

– Это похоже тётка... Чего она забыла здесь ночью?

Марьяне надоело изображать стойкую к розыгрышам, и она обернулась: возле прибрежной линии стояла старуха с длинными седыми волосами, на вид ей было лет девяносто, если не сто. От того, что она смотрит в упор прямо на них, девочек пробрал жуткий холод.

– Она пялится прямо на нас, – тихо произнесла Марьяна. – Чего ей надо? Может ушла из дому, а дорогу назад не найдёт? Знаешь, как бывает это... старческое, провалы... Или сбежала из больницы?.. Родственники наверно её обыскались.

Сёстры не шевелились, старуха тоже. Казалось, она застыла, словно стоп-кадр, лицо её было обездвижено – она не моргала и будто совсем не дышала.

Марьяна набралась смелости:

– Вам помочь? – От её громкого голоса Татьяна вздрогнула.

В старухе не произошло видимых изменений: она как стояла, не шевелясь, так и продолжила.

– Явно не в себе... – сказала Марьяна сестре. – Значит здесь поблизости есть деревня – не могла же она проковылять пешком километры...

Заметив укоризненный взгляд Татьяны, она добавила:

– Ну что ты на меня смотришь? Был бы у меня телефон, я бы вызвала службу спасения. А без телефона что я могу сделать? Помочь ей перейти дорогу?

Татьяна с замиранием сердца медленно опустилась на корточки и одним движением затушила огонь речной водой из ведёрка, ни на минуту не сводя глаз с явления на том берегу. У девушек стало темно, а вокруг наоборот видимость только улучшилась.

– Не была б ты такой близорукой, – процедила Татьяна сквозь зубы, – ты бы увидела, что это не бабуля, которую надо перевести через дорогу, а ей богу какое-то чудовище.

Старуха попыталась ступить в воду. Противоположный берег совершенно не был приспособлен для голых ног, он был заросшим, застоялым, наверняка полным пиявок, ужей и других бросающих в дрожь гадов. Но её ничто не коробило – она внедрилась в ряску, как робот на прямых механических ногах, на ходулях неизвестной природы. Ведьма стояла, словно солдат по стойке «смирно» и по-прежнему сверлила глазами до смерти перепугавшихся сестёр.

– Марусь, мне страшно... – еле слышно пропищала Татьяна, выглядывая из-за кресла. – Давай уедем отсюда?

– Она хочет к нам переправиться. – От Марьяниного предположения обеим стало не по себе. – Теперь я вижу, что это не просто бабуля. Тань, слышишь? – Вторая отозвалась. – А кикиморы оказывается существуют, а мы всё думали – сказки. И зачем нас угораздило сюда припереться... Вот дуры!

Это же самые гиблые места – где не ступала нога человека.

Старуха, раздавливая прибрежные заросли, прошлась вдоль берега, будто такое препятствие, как глубоководье, её сдерживало от стремления переплыть – от этого девочкам стало легче. При других обстоятельствах они давно бы бросились наутёк, но полуночный дремучий лес соревновался с ведьмою по степени кошмарности – без снаряжения и пропитания он был не менее ужасен.

В лесу прокричала ночная птица. Девушки подняли головы, прислушались. Когда их взгляды вернулись к другому берегу, там никого уже не было. Некоторое время они тщательно рассматривали каждый объект, озирались по сторонам, вздрагивали от любого шороха – безрезультатно, теперь в обзоре не было никого.

Вплоть до рассвета они просидели в палатке, застёгнутой на все замки, наготове с длинными шампурами в руках, которые оказались с посудой в комплекте, надеясь, что данные средства обороны им помогут в случае чего.

Настало утро, чудесное, обещающее хорошее продолжение дня. Первой визгнула молнией и выбралась из палатки Марьяна. Птицы чирикали, светило солнце... О старухе не напоминало ничего, за исключением надломленных камышей, где она прошлась, как таран.

– Марусь, это уже не отдых... Я тут жить не смогу. – Татьяна боялась расслабиться хоть на минуту – малейший звук со стороны реки, и все её органы напрягались.

– Ничего, до отъезда два дня осталось. – Оптимизм сестры в который раз поражал.

– Легко сказать – два дня... Типо обнадёжила. И как мы будем тут жить эти два дня?

Марьяна прошлась по округе, вынюхивая и высматривая – берег был чист. Она поймала себя на мысли: в реку она теперь не зайдёт ни за какие пряники, ей так и виделось, что костистая дряхлая рука с выпуклыми венами поймаёт её за ногу в толще воды.

– У меня идея! – сказала она.

– Сыта по горло твоими идеями! – Татьяна была настроена агрессивно.

– Да погоди ты... Давай палатку перетащим в другое место. Помнишь, мы ходили вдоль берега – там поодаль хорошее место есть. А Илья всё равно приедет на ту поляну к назначенному времени, никуда он от нас не денется.

Несмотря на тёплое утро, Татьяна стояла одетая в ветровку по самое горло, сжатые кулаки выступали сквозь ткань карманов, глаза резало от бессонницы и всё-таки тянуло прилечь. Она бы завалилась прямо сейчас, но тут предложение с переездом...

– Ладно, давай переносить!

Младшая сестра, получив одобрение, начала укладывать вещи. На этот раз выбор пал на место, скрытое от реки деревьями, – палатка не будет просматриваться ни с прибрежной зоны, ни с высоты другого берега. Полоса деревьев ши-

риной в пару десятков шагов им представлялась крепостной стеной, защитой от незваных гостей.

Переносили долго. Палатка не устанавливалась. Глядя, как лихо её раскладывал Илья, они посчитали, что будет так же легко и просто, а столкнувшись с проблемой уже были не рады этому муторному переезду. В результате её поставили кое-как, криво и слабо, к тому же где-то обронули один из металлических кольев для натяжения палатки – пришлось заменить обычной палкой. Затем вдвоём тащили сквозь заросли огромный матрац, переворачивая его то горизонтально, то вертикально, боясь продырявить. Котелок, плиту и баллоны сразу утрамбовали в сумку – пару дней они решили перекантоваться на сухомятке. Купальники отправились в рюкзаки – теперь девушки были всё время наготове, чтобы стремительно бежать, а значит им надлежало быть подходяще одетыми. Разделавшись с переездом, они завалились спать: уставшие и голодные.

Во второй половине дня одна из них проснулась, затем начала тормозить другую. Матрац стал слишком мягок – всё-таки они его где-то прокололи. Оставшиеся ночи им светили на жёсткой поверхности.

– И зачем я на это подписалась... – простонала Татьяна, глядя в нейлоновый потолок палатки. – Я за тобой заметила талант каркать.

– Чего это я накаркала? – возмутилась Марьяна.

– А того, что к нам явились инопланетяне в серебре! –

сестра ответила рывканьем. – Эта кошмарная старушенция вполне сойдёт под твоё описание. Видела: у неё на ногах что-то блестяло? Да и сама она серебриста от седины... Я же говорю: накаркала!

Марьяна недовольно насупилась. Некоторое время она подыскивала слова – чем бы оборониться, но ничего дельного не подыскала. У обеих в желудках заурчало: пора бы собирать обед, только никто хлопотать не рвался. Радостный запал закончился с прошлого вечера, и теперь им понадобится терпение, главное, не перессориться напоследок.

– Ты говорила про грибы, которые вы собирали... – прервала Татьяну Олеся. – Вы в них разбираетесь?

– А чего там разбираться? – ответила Маркус. – Мы рвали одни маслята. А что?

– Да так, ничего... А травы собирали?

Маркус задумалась, потёрла нос, вспомнила:

– Марьяна рвала какую-то... Цветёт такими мелкими... Мы с нею чай заваривали.

Стараясь внешне не выдавать свою радость, Олеся заликовала – наконец-то главная причина случившегося найдена. Тогда она осторожно подвела к следующему вопросу:

– Как часто вы пили с ней чай?

– М-м-м... – замычала Маркус. – Ну Марьянка пила... Я больше по кофе. Пару раз выпила с ней тогда, в первые дни пребывания, а так я кофе себе наводила. А что?

После такого ответа Олеся ничего не оставалось, как удо-

влетвориться версией о серебристых инопланетянах. Хотя на ум пришёл ещё один вариант...

– Вы таблеток с собой никаких не брали?

Теперь-то Маркус смекнула к чему она клонит. Как всегда, из-за недоверия к себе она раздула ноздри, но не стала пылить. Вдохнула побольше воздуха, ответила спокойно:

– Мы – нет. Илья брал.

– Во-о-он оно что...

Лопухина почувствовала новый всплеск радости от собственной сообразительности. Разве могла она ожидать что-то хорошее от парня, подозрительно участливого к малознакомым простым девчонкам.

– Он оставил нам аптечку на случай разных заболеваний, – пояснила Маркус.

– И такой настал?

– Да. Марьянка пожаловалась на живот.

– Когда это было?

– В день бабки.

Последняя фраза повисла в воздухе, девушки молча взирали друг на друга. Озвученная информация была уличающей в серьёзном преступлении, и Олеся осторожно, чтобы не показывать ни на кого пальцем, спросила:

– Тебе не кажется, что в них могла содержаться наркота?

Маркус сначала, не думая, пожала плечами, затем опомнилась:

– Ну у меня ведь живот не болел! Я-то не пила никаких

таблеток!

Или наоборот, рассудила Олеся, та, что лежит в реанимации, может ничего лишнего и не принимала – её версию пока никто не слышал, а эта, которая сейчас излагает леденящую душу историю, могла напичкать себя чем угодно, а теперь сидеть и расписывать свой самый впечатлительный глюк, который ей довелось лицезреть в окружении природы. А может по ночному берегу кто-нибудь действительно прогуливался, может где-то стояла ещё одна палатка с туристами, и вполне возможно, отдыхающей могла быть немолодая седовласая женщина. Добавь к банальному предположению короткое замыкание в голове у Татьяны, и мы вместо обычной туристки с распущенными волосами получим пугало злоеущее... А ты, Марьян, говорит она, близорука и тебе не видно, что это настоящий кошмар, там стоит кровожадная женщина-киборг с механическими ногами, готовая в любой момент наброситься на нас. Поэтому бедной Марьяне пришлось поверить ей на слово.

– И что было потом? – вернулась к прерванному рассказу Лопухина.

Сейчас я её на чём-нибудь подловлю, где-нибудь да проколется, думала Олеся, пока следила за ней пристально.

– Дальше случилась самая адская ночь в моей жизни. – Татьяна отвела глаза – наверно сейчас будет врать. – День мы как-то перекаптовались более-менее, но особенно мы боялись тёмное время – ночь. А другой берег мы теперь боялись

и днём, и ночью, правда с нового места он вообще не просматривался – и слава богу. От одной мысли, что река, возле которой живёт кикимора, протекает там, совсем рядом, за деревьями – от этого нас кидало в дрожь... Мы договорились, если спать, то только по очереди.

Спать на безнадёжно сдутом матрасе было не в кайф – тело сразу проваливалось и касалось кочковатой земли с множеством упирающихся в спину травяных стеблей. Сёстры клевали носом, развалившись в креслах, ночёвка в палатке в их планы теперь не входила. Договорено было выждать до последнего, в идеале до восхода солнца. Девочки вцепились в шампуры с деревянными ручками, как в последнюю надежду на спасение. Каждая поглядывала другой через плечо, чтобы со спины к ним никто не подкрался. Костёр горел, хворост в него подбрасывался – с ним освещалась хоть какая-то часть территории, только страшили тени, производимые живым пламенем то тут, то там.

Обе сидели полусонные, внезапно Марьяна вскочила, издав жуткий вопль. Сестра резко обернулась: злобное существо с длинными седыми локонами стремительно несло прямо на них из той части лесного мрака, за которым была река.

Из монстра вылетел гремучий, местами переходящий на бас, требовательный возглас:

– Что вы здесь делаете?! Кто вам разрешил?

Когда Лопухина слушала, пытаясь представить, как де-

вочки защищаются выставив вперёд свои «шпаги», она с трудом сдерживала смех. Ну что несёт эта глупая фантазёрка, думала она, украдкой подтирая слёзы. Ещё немного, и Олеся не смогла бы сдержать себя от неуместного хохотка, оскорбившего бы рассказчицу. Теперь мне ясно более чем – сделала она выводы, что сёстры попросту обкурились, после чего покалечили друг друга этими самыми небезобидными шампурками, а теперь будут покрывать друг друга, выдумывая нелепого демона, напавшего на них.

Старуха для своего возраста обладала завидной энергией, невзирая на скобы, которые стояли интервально по всей длине на её бледных, давно не видавших солнечных лучей, ногах. Здесь медсестра обратилась с просьбой описать её подробнее.

Как уже упоминала Татьяна, на вид нападавшей, что касается возраста, было в районе века, лицо сморщено, глаза полуприкрыты, длинные седые волосы свисали до бедра, одета она была в лёгкий бежевый балахон с цветной фотопечатью по центру. Надо отдать должное – она не походила на деревенскую сумасшедшую: волосы лоснились от тщательного ухода, и одежда была невероятно стильной, необычной, что называется, из категории высокой моды. На шее поблёскивали... капсулы, нити – Маркус не хватило фантазии обрисовать, что там поблёскивало, но она заметила среди них прибор – рация, решила Татьяна, усилитель звука, преобразователь речи, или нечто подобное, одним словом, какая-то

производимая голоса электроника.

История Олесю уже не забавляла. Откуда она сочиняет такие подробности, почему вдруг рация? Для варианта с галлюциногенами всё было слишком наверхено, для варианта с нечистой силой создаётся впечатление, что эта самая сила тоже идёт в ногу с прогрессом, и теперь, стращая людей, использует современные передающие устройства...

Монстр, кем выставляла эту женщину Маркус, лихо погнался за Марьяной – та со страху обронила шампур. Девушка неслась в гущу леса с истеричным визгом, обдиралась о кусты, звала на помощь, через какое-то время затихла, возможно, притаилась, если конечно была цела. Настала очередь Татьяны, растерявшейся среди сосен. Старуха выпрыгнула из-за дерева и схватила её за руку – ведьмина рука была чрезмерно горячей.

– Я тебя отправлю туда, куда надо, ты глупая маленькая паршивка! – гремел механический голос. Маркус показалось, что его производит электронный прибор, сама бабка всего лишь перебирает губами.

Девушка резко выдернула руку и понеслась в глубь леса что есть мочи, под её ногами раздавался громкий треск и хруст. Только преодолев существенное расстояние, она обнялась со стволом, попавшимся на пути, отдыхивалась, соображала, что надо бы затаиться, иначе ведьма без труда уловит её местонахождение. Рядом начинались густые заросли, в них ложбина – Татьяна в неё залегла и стала осмысливать

услышанное: это существо отправлено, чтобы выкурить их из леса, возможно, оно здесь с той целью, чтобы вернуть беглянок обратно домой. Но кому это надо, кроме отца? Да и тот не горел желанием делить с ними одну жилплощадь – в связи с этим их сюда и занесло.

Издали раздался душераздирающий визг Марьяны. Сестра уже хотела рвануть ей на помощь, но её сдерживал страх. Выходить из укрытия было боязно – монстр представлялся чудовищнее с каждой минутой. Татьяна корила саму себя за то, что поддалась на уговоры – она же старшая, она должна была настоять и предотвратить губительную поездку. На отца воздействовать надо было как-то иначе.

– Пусти меня! – Марьяна сопротивлялась. По смыслу слов, Татьяна поняла, что ведьма сестру куда-то упорно тащит. – Что тебе надо от нас?! Пусти!

– Одна есть! – прозвучал металлический бас. – Теперь следующая!

Вторая замерла, стиснув зубы. Она затаила дыхание, лишь бы не выдать себя ничем. Собравшись в комок, Татьяна прижалась подбородком к растительному опаду, сухие мохнатые травинки полезли ей в нос.

Где-то под боком появилось движение – не копошение, а плавный ползок. Испуг от нападения ведьмы не шёл ни в какое сравнение с испугом, веками заложенным в людях генетически. Гадать не пришлось: кто так в природе способен двигаться под охапкой травы и листвы – змея! Крик, кото-

рый невольно издала Татьяна, прокатился по всему лесу.

Жуткое создание тут же на него отреагировало.

– Вот ты где! – прогремел прибор, и существо направилось к зарослям. Марьяну оно волокло за собой, та, без конца спотыкаясь, пыталась выдернуть руку, наконец отчаялась.

Пока старуха разбиралась с Татьяной, младшая высвободилась, и всё началось сначала.

– Марусь, не убегай от нас! – крикнула в темноту сестра. – В лесу ещё хуже! Заблудишься, дорогу вообще не найдёшь! И змеи... Там ползают змеи! – Старуху должно быть это порадовало. – Мы что-нибудь придумаем... Марусь, остановись! Вместе мы сила, помнишь?

Крики донеслись до Марьяны, она застыла посреди лесного тумана – сырости и серости, слепого пепла, шёпота за спиной, до бесчисленности полного колких веток и поваленных деревьев под ногами, о существовании которых узнаёшь в последнюю секунду, только когда на них нарвёшься...

– Пра-авильно, – гундел прибор, – хватит от меня бегать... Надоело за вами гоняться, будто у меня дел других нет... – По пути она подцепила за руку Марьяну – девушки были поражены, как легко старуха ориентируется в кромешной тьме. – А теперь я вас сдам куда надо. Тёпленькими...

Девушки морщась терпели прикосновение ведьминых пальцев, похожих на затухающие угли, тем более она вонзала их в нежные запястья с силой, сдавливала, вернее раздавливала запястья и шансов вырваться не представлялось.

– Удирай! – заорала Татьяна, захватив старухе в переносицу пакетом с банкой консервов, который она схватила с кресла – этот чёрный пакет торчал из подлокотника, в темноте он был незаметен, но Татьяна про него помнила.

Сёстры стремительно убегали, держась за руки, спотыкались, падали, тяжело дышали, но знали одно: жуткий монстр остался позади и давно не выдавал присутствия. Сколько они бежали Маркус не помнила, палатка со всем необходимым стала недостижимой, поляна, где их должны подобрать, теперь находилась в неизвестном направлении. И это казалось неважным, главное, девушки спаслись сами, а как выбраться – они что-нибудь придумают. Ведь они не на Марсе.

– Таня, я опять хочу тебя спросить... – начала говорить Олеся, но та не дала ей закончить.

– Знаю! Опять про наркоту! Сколько мне можно объяснять, что ничего такого мы не употребляли?! Ничем мы не накуривались, из спиртного – шесть банок пива, и те мы выпили сразу, как прибазирировались... Таблеток я никаких не принимала, траву не жевала, грибы закончились недели за две до этих событий! Чего ещё?!

– Я не в том смысле... – начала оправдываться Лопухина.

– Может скажете, что я сумасшедшая? Так давайте дождёмся сестру – сестра подтвердит все мои слова... Хотя... – Маркус осеклась.

– Что такое? – уже с боязнью вырвалось у Олеси.

Татьяна поникла. Воспоминания сломали в ней пыл защи-

ты своей правоты.

Она заговорила еле слышно, накручивая на палец пояс от халата:

– На утро Марьянка съехала с катушек – стресс-то какой... У неё психика не устойчивая – я вам говорила, и это видимо на ней отразилось...

Олеся растерялась: верить ли ей на сей раз... Бесконечные перегибы событий: то так, то эдак... Не завралась ли девочка?

– Под утро мы прикорнули возле подвернувшихся на пути трухлявых брёвен. – Маркус начала интенсивно раскручивать пояс. – Когда я проснулась, то увидела, как Марьянка приматывает к веткам каждую мою волосню... В смысле: каждую прядь, тонкую-тонкую... Вот так одну за другой к ветвям... Я попыталась дёрнуться и с меня чуть скальп не слетел...

В момент странных действий с волосами сестры мимика Марьяны означала полную безмятежность, ей доставляло удовольствие новое занятие – макраме из Татьянинных прядей, она как раз привязывала последнюю к гибкой ветви кустарника.

– Ты что, глупая?! – Татьяна уставилась на неё.

Девушка, любуясь проделанной работой, отошла назад, а её сестра не смогла двинуться с места.

– Думаю, она мною будет довольна, – произнесла Марьяна. – Круто я поймала тебя? И безо всякого шума... Думала,

как же тебя поймать, чтоб ты не смогла двинуться с места? У меня ни верёвки, ни пояса... – Она бегло окинула взглядом одежду на себе. – Я целый час привязывала тебя. – На её лице появилась дрожащая, и в тоже время злобная, улыбка. – Хорошо, что ты дрыхла, как убитая. В благодарность за мою помощь она меня отпустит.

– Да ты что, тронулась рассудком? Ты в своём уме?!

Татьяна попыталась двинуться снова, но привязанные волосы, расходящиеся в форме лучей, не дали ей сделать хотя бы один шаг.

– А сама ты... – крикнула с надрывом Марьяна. – Я хотела бежать, а ты... ты запугала меня! Придумала каких-то змей!.. Ты это сделала нарочно, чтобы ведьма меня поймала! – Наблюдая за пленницей со стороны, Марьяна переминаясь на одном месте. – Теперь моя очередь: пусть она поймает тебя!

От последней фразы, выкрикнутой на весь лес, вспорхнули птицы, вершины деревьев закачались. Татьяна сидела словно парализованная, не веря собственным ушам. Вспомнив свои угрозы про змей, о которых сейчас упоминала младшая сестра, на мгновение она почувствовала раскаяние, но осознав, что сестра могла бы погибнуть в дремучем лесу без её контроля, а значит она спасала её, и Татьяна тут же воспрянула духом.

– Ну давай! Чеси к ней, зови её! Давай! Пусть она нас обоих тут зажарит на костре и съест! Или сделает из нас пи-

рожки с ливером, а потом продаст кому-нибудь на вокзале... – Татьяна уставилась на сестру в ожидании ответной реакции. – Не я ли вломила ей банкой в торец, чтобы спасти и себя, и тебя – идиотку, в том числе?

– Нет! – вскрикнула Марьяна. – Ты специально это говоришь! Не хочу тебя слушать! – Она пробежала взглядом по сторонам в поисках какого-нибудь предмета. Нашла фрагмент дерева, подобрала, с треском отломила все сучья, тем самым превратив его в дубину. – Она хочет, чтобы я расквиталась с тобой! – Переминые продолжилось с дубиной в руках.

– Э... э... Ты что, сбрендила? Брось сейчас же бревно!

– Нет! – Марьяна стала нерешительно замахиваться. – Я должна... я... Я жить хочу!

Дубина с размаху неловко проехала по всем частям тела сестры, та громко заорала от боли. Ещё удар, и ещё... Если бы у Татьяны был хоть какой-нибудь острый инструмент, она без раздумья распрощалась бы со своими длинными густыми волосами, которые она отращивала всю свою жизнь. Удара сыпались снова и снова. Перед самой отключкой, сквозь пелену, она увидела, как монстр хватается за руку Марьяну и отнимает убийственный предмет. Последнее, что она помнила, как ведьма возбуждённо отчитывает сестру за содеянное.

Татьяна очнулась на том же месте. Позднее выяснилось – через сутки и даже с лишним. Все пряди волос были развязаны, некоторые оборваны – об этом говорили клоки, болта-

ющиеся на ветвях. Тело изнывало от боли, до безумия хотелось пить. Вокруг не было ни души.

Голова кружилась, словно в водовороте, кроны деревьев вращались и не важно было – кружилась ли она сама, всё плыло само по себе.

– Марусь! – крикнула она в лес, собрав все силы.

Никто не отзывался, кроме порыва ветра, чей свист доносился со всех сторон, где находились хоть мало-мальски свободные коридоры для его сегодняшней пляски – сегодня никто не мог его пересвистеть. Трава была мокрой, видимо лил дождь, да и похолодало по-осеннему – промокшая порванная курточка совсем не грела. Сразу сложно было понять: мрачно от того, что небо заволокло, или сгустились сумерки? Как выяснилось позже – и то и другое.

Марусей даже не пахло, да и всё живое попряталось по норам, по дуплам... Куда ни глянь – везде однообразная растительность: без людей, без зверья... А самым мучительным было то, что Татьяна должна была сделать выбор: в какую сторону из всей этой одинаково расположенной растительности направиться.

Имей она способность к ориентировке, то самым лучшим для неё было бы вернуться к палатке, а где палатка, там и аптечка, там и еда, и есть возможность выйти на Илью – единственную надежду на возвращение.

Но выбор она сделала неудачный – травмированная и напуганная она побрела в самую чащу, в лес лесов, в массив

массивов. Сколько бы она не взывала о помощи, никто ей не отвечал. Она бы обрадовалась ведьме – пускай уводит её отсюда куда-угодно, тёпленькую, лишь бы покинуть это место... Появилась бы река, она бы зашла в неё и поплыла – не сама, лишённая сил, так... просто – на спине. По реке маршрут всегда короче и прямее, чем бродить кругами среди нескончаемых деревьев.

Добравшись до лога, она провалилась – девичье тело покатилося вниз, набивая шишки на уже набитых местах, по сырости и колючести, перелетая через коряги, вываливаясь в скользкой глине... Привиделось лицо отчима, хихикающего над её бедами... Смотри, что вы натворили, злорадствовал он, никто вам не виноват! Вы – овцы безмозглые! Так вам и надо!

Не виноват, конечно, думала она, задержав взгляд на маленьком фрагменте блеклого неба, валяясь в самой низине лога, в бездне, поглотившей её, вцепившейся в неё клешнями. Этот лес признал её своей собственностью, никуда он её теперь не отпустит...

Всё тело болело, особенно то место, где она заподозрила у себя перелом и не было сил кричать. Солнце садилось. После того, как скрылись его последние лучи, у Маркус в обзоре остался один клочок с мерцанием звёзд, и тот напоминал вид из колодца. Она попыталась пошевелиться – больно, но возможно. Ноги месили глиняный каток, разъезжались. С большим трудом ей удалось выбраться из лога. А затем сно-

ва лес – ненавистный и обманчивый.

Если мне удастся найти людей, думала она, если я выберусь отсюда, никогда больше не пойду не только в походы, а просто к лесной опушке даже близко не подойду, вообще ни в какой лес не сунусь... В городской парк не поеду кататься на велике.

Скитание в ночи среди деревьев казалось бессмысленным и всё же прибавляло шанс, что рано или поздно выбранное одно и то же направление куда-нибудь да выведет. Ей почудилось – пахнуло речными водорослями, она остановилась, принялась – запах водорослей стоял повсюду, ими пропах весь воздух. Река могла протекать где угодно – на триста шестьдесят градусов. Двинулась дальше, упала. Нащупала в темноте валежник, соорудила себе костыль, снова побрела.

К рассвету попыталась понять: какое расстояние преодолела, а может почти никакого, решив прикорнуть на опавшей хвое с часок, а проспала при этом всю ночь – она совершенно потерялась во времени. В отсутствии дождя стало распоживаться. Выйдя на поляну, Маркус начала шевелить мозгами: откуда восходит солнце и в каком направлении, согласно ему, они съехали с трассы? Был взят новый курс.

Через несколько часов скитаний она уловила звуки дорожного движения. Сначала не верила, вслушивалась вновь. На этот звук она плелась, словно замороженная, трепетала от приближения к гулу, желала здоровья владельцам одного неисправного, скорее устаревшего автомобиля, ревущего с

громким набором звуков, давшим ясно понять, где он сейчас проносится. Наконец, в просветах между деревьев замелькали глянцевые, до чего желанные, объекты цивилизации – Татьяна ринулась к ним, потеряв костыль, растянулась на животе, воя от боли... С вытянутой вверх рукой, она двигалась в том направлении ползком, губы едва шевелились – она издавала едва слышный призыв о помощи.

Солнечные лучи слепили глаза, когда она стала взбираться на дорожную насыпь, лес сзади ожил: птицы кричали на все голоса, деревья завлекали шелестом листвы, словно звенели монистами. Сознание её покидало – сквозь поволоку мелькали лица, пахло горячей резиной, клубившейся пылью, плавленным асфальтом и ароматом духов, когда её коснулась рука незнакомой женщины.

Лес исчез – больше она туда не вернётся. Беспokoила только сестра, но люди её успокаивали, что сестру непременно отыщут.

Маркус удалялась в четырнадцатую далеко за полночь, оставив Олесю задумчивой и растерянной, какой она всегда становилась после чьей-либо очередной истории, приведшей её рассказчика в не столь радостное заведение явно не от хорошей жизни. От остальных прослушанных драм отличало одно – несуществующий в природе персонаж. Никто из больных раньше не уверял во встрече с паранормальной сущностью, со злыми духами, с демонами, исключая алкоголиков, завидевших чертей в момент глубокого опьянения.

Но эта девочка похоже не врала и не пребывала под воздействием какого-либо препарата. Так что же тогда?

Олеся запретила себе идти у Маркус на поводу, веря во всякую небылицу. Наверняка найдётся разумное объяснение, или вскрыется ложь.

По пути домой, сменившись в восемь утра, Лопухина приняла звонок от медсестры Саши: Марьяна вышла из комы. Олеся чуть не вернулась обратно в стационар, но опомнилась, что дом уже близко, да и как будет выглядеть её подозрительное возвращение в глазах коллег... С трудом она заставила себя подняться в квартиру, тут же набрала заступившей на пост смене, чтобы оповестили Маркус о положительной динамике её сестры. Олеся представила, как та обрадуется.

В течении дня она названивала Саше, но та разводила руками, что девочка, дескать, не разговорчивая, лежит в прострации, никто так и не понял, что с ней произошло. Затем сообщила: переводить её будут в травматологию, там и выяснишь – закончила она.

До этого случая Лопухина ненавидела лето, когда многие уходили в отпуска и приходилось работать не день через три, а день через два. Теперь она ждала с нетерпением, когда закончатся долгих два выходных, её распирали интерес – что за штука эта Марьяна, какую небылицу поведает она?

Рабочий день настал. Перфораторы пробивали стены, сыпалась штукатурка, лифты не работали. Олеся переделалась

на этот раз в жёлтый медицинский костюм с цветными зайками и такой же колпак. В коридорах сновал народ. Маркус вышла из процедурного, выставив вперёд локоть здоровой руки, в котором была зажата спиртовая салфетка, увидела Лопухину.

– Ну как твоя сестра? – сходу спросила Олеся.

Лицо у Татьяны было неопределённым, казалось, она слегка недовольна.

– Сестра ничего, но вот только...

– Что такое? – Медсестра напряглась.

– Я заведующего просила, – начала жаловаться Маркус, – но её, короче, всё равно загнали в то крыло, а ко мне подсадили какую-то жирную тётку. Не понимаю, почему бы нас вместе не положить? А эта тётка храпит по ночам, что я заснуть не могу, а ещё она бесконечно рассказывает мне о своих многочисленных диагнозах – перечислит все, потом по кругу начинает все перечислять... Я сроду не знала, что такое дивертикулёз – теперь знаю: и симптомы, и чем лечится, и даже профилактику, какую не знает она, что жрать поменьше надо. А ещё она просыпается посреди ночи и делает на кровати гимнастику рук, я когда увидела в темноте, как она рьяно машет руками, чуть со страху не обоссалась... – В этот момент у Лопухиной едва не вырвалось, что соседка по палате, делающая гимнастику посреди ночи безусловно страшнее демона в лесу. – Может вы поговорите с врачами? Может Марьянку ко мне переведут?

Олеся ответила, что ничего не может обещать, но с руководством обязательно поговорит, отчего у Маркус отлегло. Татьяна поплелась на завтрак – сегодня она была одета не в больничное, а в чёрные спортивные брюки с белыми лампасами и белую майку с детским рисунком на груди, которые по-видимому ей принёс заботливый отчим.

Перед дневным отдыхом Лопухина посетила четырнадцатую с назначениями. Маркус сидела с подобранными на кровать ногами, бросая недовольные косые взгляды в сторону развалившейся на соседней койке женщины необъятных размеров, которая с аппетитом поглощала такой же здоровенный кусок дыни. На тумбочке у той пестрило настоящее застолье, кровать была завешана горой тряпок: полотенцами, махровым халатом, кардиганом и в этом роде. Медсестра предложила Маркус выйти с ней в коридор.

– С руководством я поговорила, – доложила она результат. – Это тёща врача-пульмонолога, поэтому её никуда отсюда не выпрут. Ты понимаешь меня?

Татьяна насупилась ещё сильнее.

– А если меня туда? – спросила она с надеждой в голосе. – Их там шестеро лежит, наоборот кому-нибудь будет в кайф перейти в двухместную, а я согласна в шести...

– Видишь ли... – Олеся опустила глаза. – Тебя всё равно скоро выписывать, никто не будет переводить туда-сюда накануне выписки, да к тому же в двухместную заселяют в особых случаях, а не всех подряд. Когда ты выйдешь отсюда,

твое место займёт кто-нибудь... – ну ты понимаешь.

– Я – особый случай? – Глаза у Маркус засветились.

– Не то слово! – ответила Олеся.

В отделении объявился следователь, и Татьяне пришлось присесть с ним прямо в коридоре, потому что родственница врача уже храпела на всё крыло. Лопухина ходила мимо, улавливая обрывки их беседы:

– Ну что так и будем хитрить, покрывать виновных? – говорил следователь.

Медсестра на минуту представила, как Татьяна сейчас начнёт удивлять его той же историей про лесную эксклюзивную каргу, что рассказывала ей.

– Я не знаю о каких виновных вы мне всё время твердите, – психовала Маркус. – Мы с сестрой поехали грибы и ягоды собирать, сбились с курса и заблудились в лесу. Мы ранились о сучки, падали с обрыва – там куда ни глянь, везде травму получить можно.

Следователь выпрямил спину, оценивая Маркус критическим взглядом.

– Не пойму в каком лице тебя рассматривать: потерпевшая ты или сообщник? – высказался он.

– Действительно, интересно вы меня рассматриваете! – возмутилась Маркус. – Если потерпевшая, то ...шая – в женском роде, если сообщник, то уже в мужском!

Олеся удалялась в сестринскую с лёгкой ухмылкой. А этой девочке палец в рот не клади, подумала она, вряд ли он че-

го-либо от неё добьётся. Да и мне, собственно, какое признание удалось из неё выбить – нападение длинноволосого монстра? Кажется, она из нас пытается сделать дураков. И ведь не колетса, стоит на своём – ведьма и всё!

Ерохина Марьяна долечивалась в противоположном крыле, по соседству с капитальным ремонтом – значительную часть крыла отгородили для проведения строительных работ. Лопухина занесла к ним штатив. В палате лежало шестеро: пятеро из них бурно галдели, обсуждая последние новости шоу-бизнеса, одна молчала. Бросив на неё взгляд, Олеся невольно вздрогнула – ритуальная жертва с погребального костра хлопала глазами, наблюдая за происходящим. Марьяна, завидев Олесю, так же уставилась на неё с недоумением. Одна из женщин громко загоготала; в палате началось движение.

– Ну как ты себя чувствуешь, Марьян? – обратилась к ней Олеся. – Твоя сестра спрашивает о тебе... Если надо что-либо передать, то можно через меня.

Та завозилась под одеялом.

– Пусть лучше о себе позаботится... – пробурчала она, переворачиваясь на другой бок.

Когда медсестра, получившая зубоскальный ответ, собралась на выход, женщины сменили тему на обсуждение поведения Марьяны.

– Вот она всем так отвечает! И сестра приходила, и отец – на всех обижается, ни с кем разговаривать не хочет... Вы

уж назначьте ей успокоительное!

После вечернего отбоя Олеся заглянула в четырнадцатую: тёща пульмонолога крепко спала, Маркус при свете бра играла в телефоне, которым тоже по всей видимости её снабдил отчим. Медсестра достала из кармана карамель, мелкую, как семечки, угостила горстью Татьяну, присаживаясь рядом. История девушек, найденных в лесу, не достигла финала и состояла из одних только загадок-головоломок.

Насчёт дерзкого поведения вышедшей из комы Марьяны Татьяна снова сослалась на проблемы с психикой. Маркус по-прежнему оставалась единственным свидетелем, кто смог бы подтвердить увиденное в лесу. Олеся начала копать глубже.

– Как ты думаешь, где сейчас Илья?

Татьяна стрельнула глазами при упоминании о нём, спокойно ответила:

– Понятия не имею.

– Так надо выяснить!

– А как я могу что-то выяснить, если не знаю ни фамилии, ни адреса?

Лопухина склонилась в раздумьях: локти впились в колени, кулаки подпёрли подбородок. Внезапно она вспомнила про социальные сети и полезла в карман за телефоном.

На странице у Марьяны, которую она отыскала по Таниной наводке, никакой Илья в друзьях не значился, скорее всего, она его удалила ещё до побега, чтобы этого парня ни-

кто во внимание не брал. Маркус отнекивалась, что не помнит, как выглядит его аватарка и даже за пройденное время позабыла, как выглядит сам Илья.

– Интересно получается... – Олеся закачала головой. – Одна говорить не хочет, другая забыла... А был ли вообще этот Илья?

Маркус уставилась в недоумении: на смену несуществующей старухе пришёл несуществующий Илья. Ей стоило нелёгких усилий, чтобы собеседница, наконец, перестала выяснять, под каким психотропным воздействием они пребывали, а теперь ей придётся убеждать медсестру, что и Илья – не её больная выдумка.

– Я вспомнила! – встрепенулась Татьяна. – Кажется, я знаю где он живёт. Марьянка рассказывала, что у него квартира в доме с зелёными куполами... Где Дворец спорта, у него ещё такие подъезды разноуровневые...

– Да-да, поняла, – кивнула Олеся. – Номер квартиры?

Маркус застопорилась. Медсестра снова заподозрила её во лжи, потому что выбранный ею дом имеет порядка десяти этажей, длиной он тянется в пол остановки – страшно было представить сколько в нём квартир. Чтобы их просто обойти никаких выходных не хватит.

– Квартиру не знаю – Марьянка у него дома ни разу не была.

Затем Маркус снова осенило, она чуть не подпрыгнула от радости:

– Вспомнила! Всё-таки вспомнила! Марьянка как-то смеялась над его приколом: будто он стоял у себя на балконе, начал отодвигать москитку, а она вывалилась на крышу магазина, который у них на первом этаже. И он спустил табурет, привязанный на верёвочке, вылез на эту крышу через окно, а потом его заметил охранник из магазина и начал ругаться, прогонять с крыши... Вы понимаете? Ведь это означает, что он живёт на втором этаже, и его окна выходят на магазин. Надо посмотреть в интернете панораму этого дома.

Олеся отреагировала мгновенно. Вскоре девушки уставились в экран телефона Лопухиной, разглядывая панорамное изображение – вид на здание, на углу которого, выходящего на главную улицу, располагалось два сетевых магазина. Прямо над ними на втором этаже по смыслу должно было находиться две квартиры – значит поиск сузился всего до двух квартир.

– Вы что хотите сходить к нему? – удивилась Маркус, на что медсестра ответила объяснением:

– Надо проверить: всё ли с ним в порядке.

Тёща пульмонолога приподнялась на локте, потянулась к бутылке с минеральной водой, уставилась на девушек.

– Ладно, пошла я на пост.

Олеся двинулась к двери, оставив обитательниц четырнадцатой молчаливыми и обескураженными.

В остаток рабочего дня у Лопухиной рождался план: завтра она не поленилась – доедет до Дворца спорта, поднимется

на второй этаж первого подъезда и... поставит на этой истории финальную жирную точку. Если в тех двух квартирах никто не слышал ни о каком двадцатипятилетнем жильце по имени Илья, то больше она не позволит малолетней лгунье с богатым воображением водить её за нос. Больше не помогут отговорки типа: перепутала дом, а может квартира не та, а может Марьянка что-то неправильно поняла... Всё. Хватит. Завтра Олеся разберётся – будет ли она вообще в будущем доверять чьим-либо словам.

От Лопухиных-старших Олесе достался подержанный автомобиль, стоящий в гараже неподалёку от дома – родители надеялись, что благодаря ему дочь будет чаще приезжать к ним в деревню. После выхода на пенсию они перебрались в родовое гнездо: облагородили дом, завели хозяйство, раскинули сад. Квартира, машина, гараж остались дочери.

На работу Олеся в летнее время ходила пешком, благо всего две остановки, машину из гаража выгоняла по случаю более дальнего расстояния. В первый выходной, проспав до двенадцати, девушка взялась за реализацию плана. Недельный простой автомобиля сказался – Олеся чуть не забыла, как он заводится.

Возле высотки с зелёными башенками располагалась парковка с видом на магазины первого этажа. Девушка оценила расположение окон, не выходя из машины. Если никого нет в обеих квартирах, решила попробовать приехать вновь, поздним вечером, когда в окнах зажжётся свет.

Закрыв машину на сигнализацию, Олеся одёрнула короткое платье кофейного оттенка, склонила голову к зеркалу бокового вида, подправила неброский макияж и двинулась огибать дом. Подъезд был заперт домофонным замком. Набор цифр наобум ничего не дал – слышались сигналы, никто не открывал. К дому приблизилась женщина лет шестидесяти с элегантной причёской и в больших затемнённых очках – Олеся приготовилась пройти вместе с ней.

– А ведь вы не здесь живёте? – Деловая особа уставилась на неё оценивающе, позвякивая снизкой ключей и приставляя один из них.

– Я укол иду делать, – быстро сообразила Олеся. – Я медсестра.

Дверь запищала, замок открылся.

– К кому? – Жительница была дотошной, по её виду читалась руководящая должность, видимо, занимаемая ею ещё до пенсии. Но и Лопухина была не лыком шита.

– А это личная информация моего пациента.

Жительница сразу отстала, наблюдая, как девушка поднимается пешком по лестнице. В ожидании лифта та до последнего смотрела ей вслед. Наконец, лифт её увёз, и в подъезде настало затишье.

У Олеси было два варианта квартир, выходящих на крыши магазинов: под номерами шесть и семь. Что я здесь делаю, думала она, стоя перед дверью шестой, зачем я сюда притащилась? Вон, и люди на меня подозрительно косятся...

Это работа следователей – ходить по домам, опрашивать людей, не моя. Лучше бы я занялась своими делами: съездила бы на рынок, сходила в парикмахерскую, нет же, стою здесь, как дура, в совершенно незнакомом доме, чужом районе...

Палец вдавил кнопку звонка – мелодия так и подстёгивала станцевать под её ритм. Олеся вдруг замерла, затаив дыхание. Что-то громыхнуло, непонятно где: за этой дверью или звук донёсся из другой квартиры – не разобрать. Наконец отчётливо проявились быстрые шаги – слава богу, приезжать сюда опять не придётся, кто бы то ни был – сейчас всё выяснится. В открывшемся проёме возникло лицо парня лет восемнадцати. При виде незнакомой женщины брови его плавно поползли вверх.

– Слушаю вас, мадам!

Лопухина собралась с духом.

– Здравствуйте! Извините за беспокойство, но мне бы увидеть Илью.

Паренёк, открывший дверь, замер от удивления, окинул взглядом пространство за спиной Олеси. Никого там не обнаружив, ответил:

– Здесь нет никакого Ильи...

Олеся пришла в замешательство, ей стало дико неудобно. Ещё чуть-чуть и она бы покинула это место, нелепо извиняясь. С расстройством в лице она отступила к выходу.

– А вы, случайно, квартирой не промахнулись, мадам? – сообразил наконец парень. Она отреагировала на его сло-

ва мгновенно – остановилась и застыла посреди коридора в полном оцепенении. – Раз вам нужен кент по имени Илья... – Он немного занервничал. – В седьмой квартире такой обитает... – Парень кивнул на соседнюю дверь.

Ну ничего, подумала Олеся, извиняясь из-за путаницы в адресах, главное, жилец с таким именем обнаружился. Её каблуки застучали по просторному коридору.

– В седьмой, говорите? – Она внезапно обернулась. Парень висел на двери по-прежнему. – А это у него родители живут в Америке? И сколько ему? Двадцать пять?

Тот соглашаясь кивнул, безотрывно следя, как незнакомка тянется к звонку соседей. Заметив, что она снова бросила на него недоумевающий взгляд, он быстро прикрыл тяжёлую дорогую дверь – Олеся не расслышала щелчка.

Седьмую никто не отворил – за дверью стояла полная тишина. Её расстроило, что приезжать опять придётся, возможно, хозяина квартиры она не застанет продолжительное время, ведь Илья – заядлый любитель туристических вылазок.

Вздыхнув с досады, Лопухина двинулась вниз по лестнице – в её боковой обзор попал наблюдающий из укрытия юный сосед. Заметив, что его застучали, он снова аккуратно приоткрыл дверь – на этот раз со щелчком. Тут она решила схитрить: тихо поднявшись к седьмой квартире, девушка громко постучала, крикнув «Илья, открой! Нам надо срочно поговорить!», после чего сразу перебежала к двери юнца,

затаившись в углу, лишённом обзора.

Дверь шестой в который раз тихо отворилась, и сосед высунул любопытный нос, затем вытянул шею в поисках бесследно канувшей незнакомки.

– Хоп! – Олеся подставила в проём ногу. – Значит так! Давай рассказывай, где Илья! И не говори, что ты не в курсе... Это вопрос жизни и смерти.

– Спокойно, спокойно, мадам...

Парень деликатно приостановил её смелые действия.

– Вы, собственно говоря, кем будете? – поинтересовался он, удерживая оборону.

Лопухина, игнорируя вопрос, продолжала:

– Тебе о чём-нибудь говорят имена: Марьяна и Татьяна? Это девушки с палаткой.

Услышав имена, известные всему городу, сосед шумно выдохнул через нос и свесил голову вперёд, будто её отрубили на гильотине – этим жестом он давал понять, что добровольно готов предоставить её на плаху.

– Я знал, что добром это не кончится... – сказал он. – Проходите... – Дверь щедро распахнулась.

Олеся застенчиво вошла в просторную, хорошо обставленную квартиру, глаза её сновали по сторонам – она искала других домочадцев, но навстречу никто не выходил.

– Так вы, собственно, кто? – снова спросил сосед.

– Я – медсестра из больницы, в которую доставили этих девочек.

– Слава богу, что не из полиции, – пробурчал парень, запуская кофемашину. – Чай, кофе? – От него исходила безграничная вежливость. – Кстати, как вас зовут, мадам?

– Просто Олеся.

– Ладно... Тогда не надо меня звать Степан Александрович... Зовите просто Стёпа.

– Договорились.

Олеся уже сидела за столом из чёрного стекла – центром кухни и гостиной. Стёпа выставил две кружки дымящегося кофе, звонко стукнув ими о столешницу, сам расположился с другой стороны.

Лопухина не сводила с него пристального прокурорского взгляда – отмазываться ему было уже поздно, и Стёпа приступил:

– Я так попал, так попал со всей этой историей... Я не знаю кому и что говорить. – Он обхватил голову руками. – Его родители меня задолбали – звонят мне и пишут: где Илья? Лучше бы я был глух и слеп, и не ведал, что он затевает... И зачем он меня посвятил в свои дела, зачем я, дурак, слушал, разинув рот, да ещё интересовался...

Он заметил возросшее внимание на лице Олеси.

– Знаю я эту историю с Марианной, – перешёл он к делу.

– С Марьяной, – поправила гостья.

– Неважно... Читал, как их отыскивали.

Горячий кофе плеском зашёл ему в глотку, по шее пробежал кадык.

Наблюдая, как парень нервозно мнётся, Олеся не стала дожидаться, когда он вдоволь насладится бодрящим напитком и начала задавать вопросы:

– Так что там затеял... твой кент Илья?

Стёпа откинулся на высокую спинку стула, вяло свесил позади руку, начал излагать:

– Да, он рассказал мне, что отвёз девчонок в лес потусить...

– Потусить? – вырвалось у Олеси.

Юноша проигнорировал.

– Девятого он должен был забрать их оттуда.

Олеся поторопила:

– Дальше!

– Девятого он и рванул...

– Дальше!

– Ну и до сих пор о нём ни слуху... ни духу...

Лопухина напряглась, как струна.

– Так чего ты сидишь? Сегодня – какое? В розыск подавать надо!

Она привстала.

– Вы, мадам, рассуждаете, как моя мама. И она чуть что – давай все силы задействовать... Ей только намекни и за её спиной сразу выстроятся в ряд танки. – Стёпа за пару секунд сменил несколько позиций на стуле. – Поначалу, я думал, что он затусил вместе с ними. Ну телефон молчит – это понятно, значит, разрядился. – Нервные Стёпины пальцы поиграли с

крышкой от сахарницы, издавая пронзительный звон. – Перед родителями его выгораживал, как мог, говорил им, будто он взял палатку и поехал отдыхать с девушкой... А то, что девчонок нашли, да ещё в таком состоянии, я узнал только два дня назад. Просто охренел! Я так охренел! – Он шлёпнул себя по лбу. – Даже думал, что это Илюха их так отделал...

Вот и приехали, подумала Олеся, утопая в лаврах, которыми она себя наградила за сообразительность – ведь такова была её самая первейшая оценка произошедшему, и всё идёт к тому, что именно она может оказаться верной. На уровне подсознания она всегда подозревала, что был кто-то третий, не включая, естественно, демонов и леших.

– Но Илюха не мог... – продолжал парень. – Он вообще на такое не способен. Я его всю жизнь знаю – мы родичи, мы двоюродные брат и сестра... Блин! Совсем язык заплёлся от волнений... Мы с ним двоюродные братья. Илюха спокойный, уравновешенный, да я бы даже сказал: добрейшей души человек!

Лопухина покосилась недоверчиво: если бы люди знали кто и на что способен, преступления предотвращались бы заблаговременно.

– Я поискал по своим каналам – никуда такой не поступал: ни в больницы, ни в морги, даже в отделения во всякие. До сих пор нигде не объявлялся. Не понимаю... Он там что, один в лесу остался? Грехи сидит замаливает? – Степан снова обхватил голову, опираясь локтями в столешницу. –

А может его нет в живых? – Он простонал. – Его родители меня прибьют, когда узнают, что я знал и не рассказал... – Его ладони сползли к лицу, сплюснув щёки – он выглядел смешным с утиными губами и потерянным взглядом.

– Стёп, – заговорила Олеся, – с ним могла случиться беда. Надо подключать спасателей.

– Ага! – возмутился он. – А если он просто-напросто загулял, парень молодой, а мы с вами такой кипиш поднимем...

Аргумент насчёт молодости показался вполне весомым. С кем не бывало... Олеся как-то сама, получив диплом, загуляла с сокурсниками, правда на три дня – её мать тогда сбилась с ног, всех обзвонила, даже обращалась в полицию, но дочь сама дала о себе знать: заявила пьяная и счастливая, жалясь, что посеяла телефон, но приобрела долгожданную «корочку».

– Ты хотя бы примерно знаешь, где находится то место, куда он их отвёз? – поинтересовалась гостья у парня, мечущегося от угрызений совести.

Жертва обстоятельств поднял глаза и встрепенулся.

– Что значит – примерно? Я знаю точно!

Лопухина пришла в восторг.

– Откуда?

На это парень ухмыльнулся.

– Как это откуда? Я был там раньше. С Илюхой.

– А можешь нарисовать?

Степан покрутил головой, остановился на принтере, вид-

невшимся в открытом дверном проёме его комнаты прямо по курсу, медленно, но сообразил:

– Я отпечатаю карты!

Из комнаты раздавались один за другим звуки выезжавших листов, пока Олеся разглядывала многочисленные семейные фотографии в рамках. Создавалось впечатление, что Степан где только не побывал, чем только не увлекался. В душе она позавидовала его активной жизни, отличающейся от одного и того же однообразного Олесино перемещения: квартира-деревня, деревня-квартира.

Парень вынес цветные фото спутниковых карт, начал отмечать на них фломастером кресты.

– Тут понятно... – сказал он. – Палатку ставили прямо на выступе этого мыса. – Он продемонстрировал ей.

Максимально увеличенные снимки были расплывчатыми, но мыс на них разобрать не составило труда. Через реку желтели сплошные поля, разграниченные тёмными посадками. Действительно, населённые пункты далековато, отметила про себя Олеся.

– Что же ты сам туда не сгонял, не поискал?

Гостья оторвалась от снимков и пристально на него уставилась.

Степан, недолго думая, выпалил:

– А у меня агорафобия.

– Чего?

– Я боюсь выходить из дома.

Олеся взглянула скептически.

– Судя по вашим фотографиям, – кивнула она в сторону семейных фотошедевров, – ты дома вообще не бываешь.

Степан потупился, но быстро сообразил.

– Она позавчера началась, – сморозил он. – Сегодня совсем обострилась.

У неё на лице обозначилась лёгкая ухмылка, но она перестала на него давить.

– Я съезжу туда сама.

Юноша открыл от удивления рот.

– Вы такая храбрая...

Гостья, сворачивая листы, с любопытством прошлась по квартире, оценивая с кем имеет дело – хозяин сопровождал её, волнительно, в ожидании очередных вопросов. Постояв возле приоткрытой двери, за которой угадывалась спальня родителей, а на кровати валялись разбросанные вещи, будто собирались в спешке, Олеся заинтересовалась:

– А родители твои где?

Тот встрепенулся, ответил, что на отдыхе.

В комнате юноши на компьютерном столе были разбросаны рисунки, сделанные карандашом, надо сказать, талантливые, в жанре комиксов. Везде были изображены фантастические монстры.

– Что это? – Олеся выбрала первый попавшийся.

– Видите ли, мадам... Я – известный писатель и художник. – Дополнил: – В определённом кругу.

Она начала перебирать рисунки, продолжая интересоваться:

– И большой у тебя круг?

– Да там... пацаны...

На одном из рисунков была представлена злая старуха с длинными косами – Олеся уловила некую схожесть с Таниным рассказом и это навело её на мысль.

– А ты классно рисуешь! И воображение у тебя хорошо развито... – Олеся начала разглядывать тщательно проработанные элементы: выпирающие суставы, обтянутые кожей, искусно затенённые складки её космического наряда. – Что из себя может представлять эта старуха в реальности? Не у тебя, а вообще... Кем бы она могла быть, ну если только мы добавили бы к ней такие металлические скобы на ногах и повесили бы на шее электронный прибор? Даже не знаю, зачем я захотела к ней всё это приписать...

Степан просиял от интереса к его работам.

– Супер! Могу я воспользоваться дополнениями вашего авторства, мадам? У вас с фантазией тоже всё норм!

– Да пожалуйста... И всё-таки?

Парень почесал затылок, взвил глазами высоко за пределы мира, ответил:

– Да тут ежу понятно! Она не может ходить – кости вероятно раздроблены, просто восстановлены с помощью специальных элементов... Но посмотрите какая она древняя – такие на нормальных ногах и то еле ходят, а вы хотите, чтоб с

переломанными... Возможно, она побывала в аварии.

Парень заговорил менее эмоционально:

– А вот вы сказали: на шее прибор... Сразу приходит мысль... – Он сфокусировался на проблеме. – Ну вот у вас как в больнице принято: до выключателя надо больному дотянуться, а чтобы позвать медсестру, надо отправить за ней ходячего соседа по палате... Теперь представьте, что у вас на шее висит специальное устройство – ты говоришь ему команду и выполняются любые твои требования. Соответственно, этот прибор ей в помощь – через него она отдаёт команды людям и предметам: Свет включись! Эй, медсестра, пойдись сюда! – Последнюю фразу он сопровождал рэперскими движениями. – Особенно удобно в какой-нибудь травматологии... Да скорее всего она там и лежит, судя по ногам...

– Такое возможно? – Гостья уставилась на него словно замороженная. Герои, выдуманные обычным парнем, готовы были шагнуть сквозь невидимую границу в реальный мир.

– Я думаю, всё возможно! Откуда мы знаем... Может есть такая больница, где пользуются подобными устройствами... Для очень богатых.

– А почему у неё тогда обжигающие руки? – вырвалось у Олеси.

Парень сделал глубокий вдох, не утрачивая всей серьёзности и несколько не удивляясь.

– Ну руки... руки... – забубнил он, собирая рисунки, – обжигающие руки...

Подумав, произнёс:

– А это уже из разряда фантастики! Может она из другого измерения, или другого времени... Вы так интересуетесь, будто видели её на самом деле.

Перед тем, как уйти, Олеся взяла с него слово, что, если её завтрашняя поездка к месту, отмеченному крестом на карте, окажется безрезультатной, он сразу пойдёт в полицию и всё расскажет. Юноша пообещал.

На следующий день Лопухина планировала навестить родителей – теперь её маршрут пролегал со значительным крючком через тот район. Блудить по дремучему лесу, не зная дороги, она не собиралась, ей пришла в голову мысль: проверить местность с другого берега, где было больше открытого пространства и нормальные грунтовые дороги, накатанные сельскохозяйственной техникой. На всякий случай закинула в сумку купальник – вдруг придётся переплывать. Хотя поймала себя на мысли, что девушке не подобает одной бродить в купальнике по безлюдному берегу и проявлять смелость там, где не надо, поэтому она для себя решила: взглянуть на печально известное место одним глазком и двигаться дальше – к родителям в деревню.

День для августа выдался жарким – лето не сдавало своих позиций. У Олеси в запасе было ещё два дня, так как медсёстры вышли из отпусков и график поменялся на один к трём. Представила, как обрадуются родители, узнав, что Олеся останется с ночёвкой.

За окном мелькали скошенные поля. Когда миновало последнее село, ей пришлось останавливаться и рассматривать отпечатанные листы, затем ориентироваться по посадкам, прудам – всему, что можно было бы разглядеть на картах разного масштаба. Грунтовая дорога привела в густые заросли – судя по изображению, указанный мыс находился рядом, вон за тем холмом.

Олеся заперла машину, огляделась по сторонам: вполне себе тихое местечко, наполненное лишь трескотнёй и жужжанием насекомых. Ближе к реке начали нервировать овода.

Вдоль берега тянулись заросли рогоза – над ним летал пух, река журчала спокойным течением – в середине вода не цвела и светилась чистотой под солнечными лучами. Река была похожа на зеркало: её заплотнили облака, идущие против течения. Олеся стало понятно желание молодых людей приехать именно сюда – здесь было божественно.

В обзоре на противоположной стороне показался мыс – она направилась к нему по берегу, впереди её ожидал крутой спуск к воде. Ей послышался смех – Олеся прислушалась. Показалось. Двинулась дальше. С приближением к мысу смех повторился снова – теперь она уловила его отчётливо: на том берегу кто-то был. В душе она разозлилась предполагая, что Илья притащил сюда новых баб и возможно отдыхает с ними на облюбованной стоянке, а его тем временем ищут, переживают за него, пока он здесь прохлаждается. Не исключено, что эта компашка и есть виновница пре-

ступления, случившегося с сёстрами. Вот они-то и подсыпали девочкам какую-то дрянь ради забавы, а затем стращали и гоняли по всему лесу, устроив курс выживания. Хорошо, что Олесю отделяла от них река: сейчас она запомнит их лица и быстро уедет прочь, сообщит кому надо.

В арке леса у костра в креслах сидели две девушки. Костёр трепетал, девушки переговаривались, хихикали над чем-то, хрустели семечками.

Лопухина подошла ближе и одна из них заметила её. Шок парализовал Олесю, охватил каждый орган, сдавил дыхание, когда она различила в ней Татьяну – та показывала в неё пальцем, испуг переполнял и её саму. Оглянулась вторая – теперь в арке леса белело лицо Марьяны. Олеся встревоженная спускалась вниз к воде, с трудом переставляя ноги, хотела увидеть ближе, не верила своим глазам.

– Девочки, кто вас выписал? – перебирали её губы, но те не слышали.

На другом берегу началась неразбериха: девушки паниковали, Татьяна тянулась к ведру.

– Вам помочь? – прокричала Марьяна через реку.

Ну мерзавки, они ещё спрашивают – Олеся вылезла из туфель-балеток и попыталась зайти в воду, чтобы они услышали её протесты. Помочь ли ей... Вы себе помогите – припереться обратно в лес в слабом, не долеченном состоянии, потянуло же их взяться за старые трюки.

– Да кто вас выписал?! – не унималась Олеся, но обе взи-

рали на неё словно на оголодавшего медведя, готового броситься на них в любой момент. – Марьяна, а ты совсем ещё слаба! Как вы здесь оказались, две идиотки?

Стоя в воде, она наблюдала за ними, за тем, как девушек кидает в ужас от её приезда и только сейчас заметила, что на них обеих отсутствуют гипсы.

– А гипсы вы зачем снимали?

Её возмущению не было предела, ей хотелось кинуться в воду прямо так, в одежде, но тут же вспомнила про купальник – зачем мочить вещи, если можно переодеться, доплыть до них и разобраться на месте.

Пока Лопухина быстрым шагом направлялась обратно к машине, прикидывала, что возможно из больницы их вывез всё тот же злополучный Илья – ну кто ещё у нас главный генератор безумных идей? Какая беспечность: бинты снимали, долечиваться не хотят, им бы только тусить и развлекаться... Никакого инстинкта самосохранения, живут одним днём.

Она переделалась быстрыми нервными движениями в купальный костюм чёрного цвета, кинула в машину вещи, замкнула её, ключи спрятала в дупле трухлявого дерева. В пути жалела, что не связалась по телефону – неважно с кем, главное, держать кого-нибудь в курсе дела: Стёпу, подругу, сменщицу, мать... Нет, только не мать.

Вернувшись к месту, Олеся впала в стопор – противоположный берег был пуст. Костёр не пылал, девушек не наблю-

далось, испарилась сама палатка.

Хотя Олеся отсутствовала совсем недолго, и девушки вполне могли сбежать, но как возможно за столь короткое время собрать большую навороченную палатку, загасить костёр, да так, что от него не осталось малейшего дымка и успеть перетаскать отсюда всё барахло?

Лопухина двинулась дальше, разглядывая берег: ноги колола трава, ступала она будто по битому стеклу и, находясь под воздействием нестерпимого желания разобраться с поведением маленьких негодниц, ушла она достаточно далеко.

Миновав поворот реки, насторожилась. С другого берега донёсся голос – ей стало ясно: девушки там. Вода была прохладной, заход омерзительным – ноги проваливались в вязкое глинистое дно, путались в водорослях; она легла на воду сразу, где река была ещё по колено, чтобы ногами не касаться дна. Поплыла.

Противоположный берег оказался песчаным, что позволило выйти без острых ощущений. Перед ней предстала та же картина: мерзавки сидели в креслах рядом с большой серо-зелёной палаткой, костёр пылал. Хитрые обманщицы переместились, предполагая, что она их не заметит с другого берега, однако, они не учли её готовность к переплытию.

– Что вы здесь делаете?! Кто вам разрешил?! – вскричала Олеся после того, как выбралась на берег и напористо двинулась на них.

К её удивлению, обе с душераздирающим визгом броси-

лись врассыпную. В первую очередь она погналась за Марьяной – именно та больше всего нуждалась в медицинской помощи. Но младшая сестра где-то притаилась. Зато отчётливо виднелась старшая, будто кралась в темноте, в упор не замечая Олесю. Татьяна вскрикнула, когда её схватили за руку, стала трепыхаться, пытаясь выдернуть её, будто запястье жалили осы.

– Иди-ка сюда! – Олеся была настроена решительно. – Я тебя отправлю туда, куда надо, ты глупая маленькая паршивка!

Татьяна увернулась и понеслась в глушь – её движение производило громкий треск и шорох: хрустели сучья, шуршала сухая хвоя, надламывалась трава. Олеся кинулась за ней, как ни странно, не издавая ни единого хруста, но тут в обзор попала такая же ничего невидящая Марьяна, которая пятилась к ней спиной – она оказалась лёгкой добычей.

– Что тебе надо от нас? Пусти! – Девушка захныкала.

– Одна есть! Теперь следующая! – Олеся стала высматривать среди деревьев её сестру.

– Зачем вы сюда припёрлись? – злилась она. – Вас же здесь чуть не убили!

Внезапно Татьяна вскрикнула на весь лес, да так, что Олеся вздрогнула. Первое, что ей пришло на ум – на девушку снова напали. Марьяна уже не дёргалась, вместе с ней вглядываясь в заросли, из которых в это время выбиралась старшая сестра, напуганная до смерти.

– Вот ты где! – Олеся обрадовалась.

Рука её ослабла, чем Марьяна и воспользовалась. Ну ладно, поймаю потом – махнула на неё преследовательница, переживая в данный момент за трясущуюся от страха Татьяну. И без того напуганная девушка чуть не подпрыгнула, когда в неё снова вцепились.

Сёстры были зашуганы и слепы, как котята, не видящие в упор. Постоянно вздрагивали, кричали, будто их режут. Но это понятно, подумала Олеся, они ведь столько пережили и резко прервали лечение – может такая реакция на отмену сильнодействующих лекарств.

– Марусь! – крикнула в лес Татьяна. – Не убегай от нас! Ты в нём заблудишься! – Она с трудом отдыхивалась, взирая по сторонам. – А ещё там змеи!

Вот наконец-то здравый призыв – Олесе от её выкриков стало легче.

– Действительно, девочки... Хватит от меня бегать! Надоело за вами гоняться, будто у меня дел других нет. – По пути она подцепила за руку Марьяну, которая стояла, словно парализованная, позволив себя поймать.

Обеих она повела к палатке, обратив внимание, что у них слишком быстро полностью зажили обширные гематомы, не было синяков, ссадин, лишь свежие царапины, полученные в бессмысленной беготне. Девочки по-прежнему дёргались, не догоняя о чём она говорит.

– Я отвезу вас обратно, сдам назад тёпленькими... Всё,

набегались! А о тебе, Таня, я была совершенно другого мнения, я поверила тебе... И ты, Марьяна, та ещё штучка, подстрекательница к аферам! Вот вы отца ругаете... Да с вами кто угодно запьёт! Что вы вытворяете? Вначале из дома сбежали – весь город на уши встал, затем из больницы... Представляю, как там сейчас мечется персонал!

Внезапный удар по лицу заставил её заткнуться. Лес выключился, девушки исчезли. Свистящий звук – не долетавший извне, а рождённый в её подсознании, усиливался и стихал. В закрытых веках вращался круговорот, который постепенно замедлялся, пока не остановился в одном положении – глаза открылись и взгляд сфокусировался на высоких макушках сосен. По лицу бежали муравьи – Олеся машинально их смахнула. Её голова привалилась к нагромождённому лесному муравейнику – они были назойливы и щекотали не только лицо, но и сновали по всему телу.

Она потрогала лицо – с ним всё было в порядке, встала, пыталась сообразить где сейчас находится. На земле неподалёку валялся чёрный измятый пакет – она в него заглянула: жестяная банка с борщом – отбросила за ненужностью. Олеся покрутила головой: вокруг не было ни души, палатка стояла на месте, кресло лежало опрокинутое. Энергично она стала стряхивать оставшихся муравьёв, которые пытались укусить, затем отправилась изучать брошенные девчонками вещи.

Матрац в палатке был сдутым, в одном рюкзаке лежали

баллоны и туристическая плита, в другом – девичья одежда, предметы гигиены и небольшое количество продуктов.

Ей стало интересно который час – родители могут разволноваться. Вспомнила, что среди вещей в рюкзаке она видела часы, но в тот момент не заострила на них внимания. Олеся снова полезла в рюкзак, достала маленькую сумку на молнии. На обычных ручных часах, которые в ней лежали, светилось время: 04:45. Не может такого быть, они не настроены – Олеся кинула их обратно.

Выйдя к реке, она стояла и раздумывала: вернуться к машине, или отправиться на поиски девчонок, возможно, попавших в беду?

– Нет! – раздалось из леса. – Не хочу тебя слушать! Ты специально так говоришь!

Олеся бросилась на голоса. Колкий опад под ногами она давно уже не замечала и двигалась быстро. Ей открылся обзор, где она увидела сестёр: Татьяна сидела на земле с привязанными к ветвям волосами, прикрывая руками голову, Марьяна со злостью лупила её дубиной.

– Прекрати сейчас же! – закричала Олеся, подбежала и вырвала дубину, отбросив её куда подальше. – Она твоя сестра! Она итак покалеченная... Что же ты вытворяешь?! Ты в своём уме?!

Марьяна разрыдалась, упав на колени, – её трясло, она сама не ведала, что творит.

– Тихо, тихо, девочка моя... – Олеся опустилась к ней, в

надежде обнять. – Это всё пройдёт, всё нормализуется... Вот увидишь! Всё утрясётся! – Слова вылетали с пылом, её саму изрядно потряхивало, воздуха среди этого кислородного обилия ей не доставало. – Просто тебе жилось нелегко: с отцом отношения не складывались и не хватало маминого тепла...

Она прижала её к себе, поглаживая по спине, Марьяна постепенно стала утихать.

В какой-то момент Олеся поняла, что гладит пустоту – девушка испарилась, осталась лишь та, что висела на волосах без сознания, привязанная к кустам. Как же быстра эта Марьяна, что сумела так резво слинять... Только-только она ощущала её прикосновение – миг и её не стало.

Олеся недолго думая кинулась высвободить её беспомощную сестрицу. Волосы распутывались с трудом, некоторые пряди приходилось от нетерпения сдёргивать, оставляя клоки болтающимися на ветвях. Она измучилась, и в то же время осознавала, что нужно бы их срезать все разом, но нечем, да и бежать к палатке не было времени.

Сорвав последнюю прядь, она попыталась привести беглянку в чувство. На теле зияло множество ссадин, досталось по голове... Татьяна застонала. Хорошо, что жива. Склонившись над ней, Олеся стала осмысливать: почему ей настолько всё до боли знакомо? Где она слышала о волосах, привязанных в форме лучей к ветвям?

Долго вспоминать не пришлось – Олеся бросило в холод.

Всё, что здесь сегодня творилось, в точности соответствовало повествованию Маркус о походных приключениях двух сестёр, закончившихся для них подрывом здоровья. Каждый шаг, каждое действие, случившееся здесь сегодня было как по сценарию, прозвучавшему из уст Татьяны.

Пока она искала ответы, обхватив голову руками, закрыв уши от посторонних звуков, которые не давали сосредоточиться, мир вокруг изменился – это был не тот лес, среди которого она до этого находилась... Трава позеленела, и деревья стали не те. Невесомые облака превратились в грозовые, ветер поднялся в один миг. Она вдруг почувствовала, как похолодало – ей было зябко в одном купальнике, пора бы возвращаться к машине.

В обзоре – на все триста шестьдесят отсутствовала Татьяна, да и кустарника с повислыми клоками волос вблизи не стало. Олесе казалось, что она вроде бы топталась на одном месте, теперь же выяснилось, что далеко ушла. В какой стороне река – теперь неизвестно. Что она наделала, приехав сюда? Почему никого не взяла с собой, на что понадеялась? Как же глупо...

Она боялась сдвинуться с места – каждый шаг мог увести далеко в глубь, откуда не выбраться – с ней повторится та же история, случившаяся с сёстрами. Надо кого-нибудь позвать – пришла ей идея. Олеся стала выкрикивать все варианты подряд: Таня, Марьяна, Илья, люди, кто-нибудь!

К величайшей радости тучи пронесло мимо, и солнце сно-

ва выглянуло, заиграло на листьях, растянуло от земли до небес тончайшие струны – это означало, что мир живой, настоящий. Всё, что здесь происходило стало вызывать сомнения: а было ли оно на самом деле?

– Марьяна, Илья! – хрипела она, подорвав голосовые связки.

Стволы деревьев вращались дружелюбно обманчиво, никакой надежды на спасение... Она уколола ногу до крови – чёртов надломленный штырь, приложила к ране сорванный лист, надавила, по-прежнему озираясь по сторонам. Вот бы сюда ту коробку с медикаментами, что была в рюкзаке в палатке...

Сзади неё что-то хрустнуло – Олеся обернулась: за деревом вдалеке прятался чёрный мужской силуэт – она оценила это по достаточно большим пропорциям в плечах и росте. Ей стало боязно: кто знает, захочет этот человек ей оказывать помощь, или он хуже любой беды...

Человек выглянул с опаской, перебрался от дерева к дереву – теперь Олеся различила испуганного парня лет двадцати пяти.

– Откуда вам известны все эти имена? – выкрикнул он, скрываясь за очередным стволом и высовываясь то справа, то слева. – Откуда вы меня знаете?

Он не спешил пересекать черту безопасного расстояния.
– Илья? – Она пришла в немыслимый восторг. – Ведь ты же Илья?

Олеся бросила залечивать раны и выразила намерение бежать к нему сломя голову.

– Стойте там, где стоите! – воспрепятствовал он, наблюдая за ней из-за ствола одним глазом. – Так откуда вы про нас знаете? Вы кто? – Пятернями, покрытыми пылью, он держался за шершавую кору, будто за твердыню, способную его защитить.

Олеся замерла на одном месте, не смея приближаться.

– Девочки мне всё рассказали – я познакомилась с ними в больнице! – ответила она.

– Что у вас с голосом?

– А? – Сначала она не поняла – о чём это он, но затем пояснила: – Связки сорвала... Я говорю: связки сорвала, пока кричала!

Он подошёл ближе, пристально оглядывая её с головы до ног – ей показалось это неприличным, несмотря на то, что он смотрел на неё не вожделенным взглядом, а как и прежде до смерти напуганным и сомневающимся.

– Что это у вас за штуки на ногах? Я такого в жизни не видел.

– Какие штуки?

Олеся глянула вниз, но кроме собственных босых поцарапанных и искусанных комарами ног ничего не обнаружила. Тогда она медленно подняла голову – радостный взгляд сменился испугом, и она обрывисто произнесла:

– Илья... Пожалуйста, я тебя умоляю, опиши мне: кого ты

сейчас видишь перед собой?

Какое-то время он соображал, пытаясь отыскать скрытый смысл данного вопроса, но когда её глаза налились слезами, заговорил:

– Я вижу, что вы женщина.

– Дальше!

– Вид у вас какой-то странный...

– Давай дальше! Не томи!

– У вас длинные волосы и с ногами что-то не в порядке.

Машинально она провела по своим волосам средней длины, допуская, что кому-то они покажутся длинными. Терпение её стало лопаться.

– Возраста я какого?!

Илья замялся:

– Ну-у-у...

– Говори! – крикнула она осипшим голосом в нетерпении.

Он ответил с сомнением почти полушёпотом:

– Так... семьдесят пять... восемьдесят... – сделал паузу, – пять...

Выражение его лица теперь было, как у провинившегося школьника, которому невдомёк, чего от него требуют. Олеся схватилась за виски, медленно опускаясь к земле, сжимаясь в комок и заплакала, уткнувшись лицом в колени.

– Семьдесят четыре... – продолжал Илья, думая, что перестарался.

Закончив горевать об утраченной молодости, она притих-

ла. Её вдруг осенило, что и он может исчезнуть в любой момент, а значит надо успеть расспросить его обо всём, пока этого не случилось.

– Где ты пропадал все эти дни? – Она говорила в колени.

– В смысле? Какие дни?

– Ты же приехал сюда девятого?

– Ну?

Олеся подняла голову в недоумении.

– Ну так с девятого где ты пропадал?!

Он снова отдалился от неё на безопасное расстояние, поглядывая вокруг.

– С вами всё в порядке? – спросил он, доставая из кармана смартфон. – Сегодня девятое и есть.

Похоже телефон не работал, зарядка иссякла окончательно. Илья многократно давил на боковые кнопки, смотрел в экран, затем говорил, но уже сам себе:

– Девчонки куда-то пропали... Странно... Зарядил прямо перед отъездом до ста процентов... Блин, гады! На гарантии, и так быстро аккумулятор сдох!

На её лице появилась ухмылка.

...Перед отъездом... девятое... Знал бы ты какое сегодня число...

Но она не торопилась озвучивать эти мысли вслух. Она вдруг вспомнила об электронном приборе, теоретически, по рассказам, висящем у неё на шее и сделала попытки поймать его рукой – рука хватала воздух. Татьяна в своём повество-

вании описывала, что устройство светилось огнями: показывало цифры, слова... А может...

– У меня на шее висит какое-либо устройство? – Она разогнулась, выставив грудь. Илья, услышав вопрос, резко оторвался от телефона. – Что на нём есть? На приборе. Светится что-либо?

– А вы сами не видите? – опасливо спросил он.

– Я же больная и старая...

Илья подался вперёд, стал всматриваться, не приближаясь.

– Время... вторник... тридцатое мая... – Он ухмыльнулся. – Да это у вас проблемы с календарём! Дальше год... – Он наклонил голову на бок, будто надпись была перевёрнута, приблизился ещё на пару шагов. – Год какой-то... две тысячи... сто, блин, две тысячи сто тринадцатый! Охренеть!

Оба уставились друг на друга. Он выпрямился, ухмылка медленно сползала с его лица, так как, видимо, за сегодняшний день с ним происходило слишком много событий, показавшихся неестественными. Его карие, почти чёрные, глаза суетились в поисках вывода, ожидаемого от того органа, который этими глазами сейчас управлял.

– Ты конечно мне можешь не верить... – сказала вставая Олеся, – но место, где мы находимся, аномальное. – Она собралась с мыслями. – Это нереально какой неправильный лес. Здесь смешались день-ночь, месяцы, годы, события... Пршлое и будущее... Здесь творится что-то страшное... –

Илья молчал. – Вот ты думаешь: девочки пропали... А их нашли в день твоего приезда – девятого. Побитыми – одна в коме... – При этих словах у парня на лоб полезли брови. – И тебя... с того же дня разыскивают... Стёпа твой там убивается, что огребёт от родителей по полной за то, что знал и молчал... И я после вашего исчезновения успела отработать в больнице несколько смен!

Илья отступил в удивлении, но с выводами не торопился. Олеся догадалась, что ему показалось неуместным слово «отработала», она поспешила объяснить:

– Сколько ты думаешь мне сейчас лет? Семьдесят-восемьдесят? А если без твоего льстивого подхалимажа, то девяносто-сто? Кабы не так... Мне тридцать! И работаю я медсестрой в травматологии! И живу в две тысячи восемнадцатом, а это тело... – Она бегло прошлась глазами по своему, как ей на самом деле виделось, тридцатилетнему телу, но для Ильи – ссутуленному, бледному, костлявому и хрому. – Таким оно станет в будущем, когда мне будет девяносто с гаком! Господи, неужели я так долго проживу?

Олеся внезапно смолкнув вдруг сморщилась от нахлынувших слёз, оседая в отчаянии на подстилку из хвои, плаксиво дополнила:

– Или скоро умру от старости...

Любитель дикого отдыха стоял, как вкопанный столб, слушал содержательную речь, не смея возразить. Она приготовилась к тому, что он, не изнурённый тяжким трудом, сытый

и обеспеченный, выставит её на посмешище – сдвинутой по фазе старухой, больной на всю голову сумасбродкой с изощрённой до смешного фантазией. Олеся ждала, что из его рта вот-вот вылетит трусливая фраза: «Я вспомнил, что мне надо ехать по делам», или «Я пожалуй пойду», но вместо этого он разразился целой тирадой, адресованной самому себе:

– А я-то никак в толк не возьму: куда могла подеваться моя машина? Думал увели прямо из-под носа, да так, что трава не шелохнулась, следов от резины не осталось, а отошёл всего ничего – на пару шагов... Побродил по лесу и бах, а у меня руки все в грязи... Вот только что ключи в карман засовывал – руки были чистыми. Глянул: да я весь в листве и репьях по уши! Офигеваю – как? Хожу, разыскиваю девок и ни с того, ни с сего чувствую языком, будто я нажрался холодного мяса с жиром, типа тушёнки... Я из зубов замутился его выковыривать... Да я выезжал – зубы чистил электрощёткой!

Олеся преклонных лет выпала из его внимания, теперь он был поглощён собой. Его грудная клетка учащённо расширялась и спадала под влиянием беспокойства. Девушка обратила внимание насколько его одежда была вывалена в сухой растительности по самое горло, вероятно, он спал на лесной подстилке и не одну ночь.

– Да что за хрень со мной творится?! – закончил Илья, обхватив голову и сжимая её, будто сейчас он выдавит из своего, сбившегося с нормального восприятия мира, мозга всё

постороннее. Затем переключился на деревья, лупя нещадно по ним кулаками, выплёскивая накопившийся гнев. Врезав по очередному стволу, он прохаживался по кругу, раскачивая руками, и подыскивал себе новый, чтобы вымесить на нём свою ярость – так он пытался мстить ни в чём не повинным деревьям. Закончив, он опустился вниз, потирая окровавленные кулаки, молчал и думал, думал и молчал, пока наконец не вспомнил, что он такой не один: ему была представлена ещё одна жертва аномальных явлений, да и сёстры, не исключено, попали в тот же переплёт.

– Как будем выбираться из этого дерьма? – произнёс он, свесив голову.

Если бы она знала – как... Нашёл у кого спрашивать. Олеся сама надрывала мозг и ничего на ум ей не приходило.

– Может сначала попробуем выбраться отсюда? – предложила она, акцентируя на слове «отсюда». – А там обратимся за помощью... – Тут она осеклась, ведь Татьяна уже обращалась за помощью, а в результате количество жертв заколдованного круга только прибавилось.

– Когда я приехал, видел выход на реку, затем вернулся – машины нет... – Илья говорил отрешённо, направив взор в одну точку, уперев лоб в ладонь. – И больше ни выхода, ни реки, ни дороги, ровным счётом ничего – одни грёбанные деревья, одни бесконечные ёлки-палки... – Он запрокинул голову назад, сосредоточившись на безмятежном клочке голубого неба. – Я скоро сойду с ума, я словно рыбка в круг-

лом стеклянном аквариуме... Хотя нет – рыбка видит хоть сколько-нибудь за его пределами – за стеклом, а я не вижу ничего, кроме сплошного короба из бесконечных столбов, в который меня загнали.

Скитание по территории – самой что ни на есть колыбели коварного Лешего им казалось тупиковым, несмотря на то, что бродить вдвоём куда проще – есть с кем обсудить варианты дальнейших действий. Но варианты иссякли. На запад, на юг, на север, по ориентиру на солнце, местонахождение которого они хорошо представляли, запомнили ещё у реки, – никакие порывы ни к чему не приводили. Видимо, с часами действительно происходил сдвиг, из-за чего и творилась путаница с расположением солнца. Когда они встретились, у Ильи было послеобеденное время, у неё – продолжалось утро. Иногда он пытался звать на помощь, опустошая лёгкие и снова вбирая воздух, чтобы его крик прозвучал с большей силой, раскатился по округе вплоть до ближайшей автотрассы.

Их мучила жажда, и слава богу подвернулся родник – вода в нём была прохладной, неутолимой. Они старались напиться всласть, омывали вспотевшие лица, руки, шею... Опечалило то, что с собой налить было не во что: зря Олеся не прихватила пакет с консервной банкой, зря Илья оставил в машине недопитую кока-колу, а сначала намеревался отправиться с ней.

Подвернулась дикая яблоня – они набросились на неё.

Пусть яблоки были отвратными, терпкими, кислыми, жевались, будто старая засохшая резина, но это единственное, что у них было в непростой ситуации, сгодились и они. Молодые люди прекрасно понимали, что рано или поздно силы стремительно начнут покидать, а значит нужно их восполнять, надо поддерживать, подкреплять водой и пищей.

Сгущались сумерки – скоро раздетая она начнёт замерзать, августовские ночи становились чем дальше, тем холоднее. Илья снял и пожертвовал куртку, которую поначалу хотел оставить дома из-за погожего дня, а теперь понимал, что всё надо брать и носить при себе – случиться может всякое, даже то, чего в жизни не бывает.

Когда совсем стемнело, он развёл костёр. Олеся сидела скукожившись – в его глазах дохлявое существо с тремором головы на тонкой шее, с натянутыми на ней кожными складками и таким же трясом в конечностях, с приспособлениями, по всей вероятности, для того, чтобы держать в целостности раздробленные кости, собралось в комок, в её полуприкрытых глазах мелькали блики, взгляд был задумчивым и несчастным. Он вдруг подумал: какие шикарные волосы у дряхлой старухи... Значит, технологии будущего достигнут методик, благодаря которым волосы подвергнутся невообразимому омоложению, или их научатся вживлять без особых усилий... Странно, что за сто лет так и не нашли эликсира молодости для всего организма... Очевидно, в этом вопросе человечество по-прежнему не одолеет время, какие бы сред-

ства на это не выделялись.

– Может дело в палатке? – неожиданно спросил он.

Сгорбленное существо с дивными волосами перевело взгляд с костра на него.

– А при чём тут палатка?

Илья поразмыслил и вспомнил следующее:

– Да брал у меня её как-то на выходные один друган на рыбалку... Я тогда особого значения не придал... Ездили они втроём. Так он говорит: отоспались так отоспались мы на природе в твоей палатке! Сон, говорит, был какой-то наркотный... Думали, подремали пять минут – оказалось прошёл целый день... Они и рыбу не успели толком поймать. И перед тем, как ехать: завели будильник на утро, а в результате проспали ещё половину дня – из-за этого он опоздал на работу во вторую смену. Долго удивлялся, как вообще такое могло случиться.

Когда Илья смолк, вокруг костра возникло напряжение, огонь затрещал с особой силой, будто торжествовал, что наконец причина найдена. Треск подначивал, издавая звук, похожий на фразы:

Точно в палатке! Дело в палатке! Палатке...

– Значит, надо отдалятся от неё подальше, – выдал Илья умозаключение. – Тогда нам возможно повезёт, и мы вырвемся из-под её вредоносного излучения. Если б знать, где она стоит... Я по идее должен был на днях возле неё ошибаться, ведь где-то я наелся мясных консервов... И видимо

меня возле неё так накрыло, что я всё позабыл, несколько дней выпало из памяти – вот, что значит приблизился. А ещё, судя по всему, воздействие идёт по нарастающей: сначала друг немного попал – ну проспал человек выходные и на работе получил нагоняй. Ладно. Потом девки вляпались похуже... Теперь вообще... – Он осёкся, озираясь по сторонам. – Теперь как бы по нам, канувшим без вести, не запели панихиду...

От последних слов Олесю передёрнуло. Неужто им никогда не выбраться из этого леса? И как такое возможно, что ещё утром она вовсю радовалась жизни, планировала поездку в деревню, чтобы навестить родителей, а теперь ей пришёл конец?

– Нам надо найти эту палатку, – едва слышно произнесла она, от чего тот уставился на неё, как на сбрендившую окончательно. – Ты понял о чём я? Нам надо наоборот её отыскать! Срочно!

– А на фига? – удивился он.

Тогда Олеся разъяснила, что палатку обязательно надо найти, разобрать на части и уничтожить. Развести на берегу огонь и бросать в него последовательно каждый сегмент, каждую деталь, пока та не сгорит дотла.

– Не-е, теперь я точно убедился, что дело в ней. Я к палатке близко не подойду, я до неё вообще не дотронусь.

Старушка сорвалась с места, слишком резко для хромой, и стала эмоционально, а главное доходчиво объяснять:

– Илья, послушай меня! Ты сам предположил, что воздействие только усиливается... И как видишь оно расширяется. Значит скоро оно захватит всю область, все начнут с ума сходиться и теряться во времени... Массово. Возможно, об этом знаем только мы. Не исключено, что мы: ты, я и эти девицы, являемся первоисточником, нулевыми пострадавшими. И потом, впоследствии, в хаосе и неразберихе никто не определит – откуда взялась причина. Тебе понятно?

Звучало вполне убедительно, почти правдоподобно. Парень согласился с возможными рисками для окружающего мира, подумав, дал положительный ответ: от палатки надо действительно избавляться немедленно.

С рассветом, с первыми лучами оба засобирались в дорогу. Олеся почувствовала, как онемели ноги, крепко подбренные из-за холода – ей понадобились усилия, чтобы размять их, и чтобы кровь потекла по сосудам ровно, а судорогу отпустило. Илья предложил двигаться дальше, произнеся странную фразу, что давно рассвело. Но в её понятии лес только начал выходить из ночного мрака.

– Какое светится время?! – осенило её. – Ты сказал: тридцатое мая... Тридцать первого мая, я помню, сидя на работе я посмотрела восход: 04:06! Сколько светится?

Илья приблизился, склонил на бок голову, пытаясь рассмотреть экран чужеродного устройства, к которому он не рисковал прикасаться.

– 04:28 светится. И что?

– Я кажется поняла! Время сейчас идёт согласно моему календарю будущего. Смотри: солнце начало всходить, как на вот этих часах, как раз минут двадцать назад. Нет разницы который год – природа идёт своим чередом, солнце по-прежнему всходит и заходит. Будем ориентироваться по моему времени, не по твоему. Так! Похоже у тебя совпадает год, но сбилось время и день... Помнишь ты сказал, что день показался слишком коротким: не успел приехать, а уже стемнело? И сейчас у тебя давно рассвело, а я вижу самое начало рассвета, как на этих часах и охотно верю, что время: четыре двадцать восемь. Значит, у меня не совпадают месяц и год, но совпадают часы! Итак, ровно в десять я выходила из машины, когда приехала, и я в точности помню, как светило солнце в десять часов, когда машина была за спиной...

Олеся бросилась на поиски подручных предметов, чтобы соорудить наглядный план. Искать пришлось наощупь: посветлело только небо, в лесу по-прежнему царил сумрак – солнечные лучи в него пока не пробрались. Она подобрала пару палок и несколько шишек, выстроила их на земле. Оба склонились, чтобы лучше видеть.

– Вот так располагался берег, здесь осталась моя машина, здесь палатка, а солнце здесь... – Суетилась она. – Мы никуда сейчас не двинемся – можем забрести дальше в дебри. А ровно в десять отправимся согласно расположению солнца и выйдем к реке. Только идти надо быстро – откуда мы знаем насколько оно сместится, к примеру, в двенадцать, да и учи-

тывая коварную игру со сменой часов и времён? – Илья отреагировал скептически. – Ну в чём ты сомневаешься? Вчера мы с тобой ходили по твоёмu времени, как ты сам представлял, где у тебя было солнце, – это же огромная погрешность! Судя по картам, которые я изучила, возможно мы пёрлись прямо в огромный лесной массив, а думали, дураки, что нас водит за нос Леший... Мы тупо шли не туда!

Илья углубился в размышления, перекатывая с места на место сосновые шишки, символизирующие их самих, солнце и палатку. Светлело прямо на глазах, деревья озарялись утренними лучами.

Наконец он спросил:

– С часами логично... А вы уверены, что месяц май?

– Конечно уверена! – воскликнула Олеся. – Я же работаю по суткам: мне приходится видеть и рассветы, и закаты... Сейчас, в смысле в августе, солнце восходит после пяти, а значит оно, получается, не могло взойти – время только половина пятого! Мы сейчас находимся в мае! И не смотри на опадающие деревья, которые готовятся к осени... Я же говорю: здесь всё перемешалось! Деревья стоят августовские, как и стояли, а время сменилось на майское!

До него дошло, в глазах Ильи заискрилась надежда – Олеся дело говорила, хотя звучало это зловеще.

Пять часов бездействия растянулись до состояния изнеможения: обоим показалось ненароком, что время снова затеяло с ними жестокую игру – искривление текущей действи-

тельности, дней, столетий и времён года. Но экранное время на устройстве Олеси менялось последовательно, минута за минутой – Илья осмелился осторожно снять его с тонкой шеи старухи, чтобы периодически на него поглядывать. Это медленно тянущееся время он просидел вибрируя ногой под воздействием нервного напряжения. К размеренному ходу минут на табло он почти привык, его ужасал год, светившийся снизу.

Пока пленники леса от безделья изучали облака, разместившись в траве на поляне, между ними завязалась беседа.

– Я сначала подумала, что ты привёз девчонок с дурной целью... – Олеся крошила соцветие пахучей травы, вспоминая недавние события в стенах стационара. – И что ты попросту мог вообще не приехать за ними...

– С дурной целью?! – Он приподнял голову. – Да вы бы видели, как она плакалась! Она мне сказала, что отец превратил их жизнь в настоящий ад, и куда бы они не обращались, перед ними все только разводили руками, потому как они совершеннолетние...

– Странно... – Олеся задумалась. – Таня не говорила, что они куда-либо обращались...

– Она мне жаловалась... – не унимался Илья, пересказывая разговор с Марьяной, – что отец избивает их ежедневно и морит голодом, денег вообще не даёт, а за более вескую провинность закрывает в холодном подвале и ещё заставляет на него работать, при этом сам нигде не работает.

– Во-о-от значит как? – Олеся привсталась, витая по-прежнему в мыслях. – И Таня мне жаловалась, но не до такой степени – ни о каком подвале не было речи, да и по разговору... Девчонки себе покупали, что хотели: одежду, косметику, сладости... Что значит: денег вообще не даёт и как это нигде не работает? Он у них, насколько мне известно, ходит по сменам. Я сама его видела – нёс падчерице фрукты, колбасу. Слезы вытирал, когда выходил от неё.

– И что значит: мог вообще не приехать? – Илья совсем завёлся. – Я своего соседа специально держал в курсе дела, чтобы не проворонить момент. Одна голова – хорошо, две – лучше! Брательник – это сосед мой, непрерывно о них далдонил: как там девчонки, когда поедешь? Даже предлагал забрать их раньше срока... Что я... монстр какой-нибудь – отвезти и бросить? Да я не сразу согласился на эту её авантюру – отца проучить...

Последнее, что вылетело из Ильи Олесю кардинально насторожило.

– Так разве это не твоя идея? – Она на него уставилась.

– Чего-о-о?! – Илья вскочил с места. – Она, когда услышала – я похвастался перед ней, что увлекаюсь туризмом и что у меня хороший арсенал есть, она тогда и разревелась, стала выпрашивать палатку, и чтобы я отвёз их подальше в леса поздней ночью тайком... Ничего себе! Моя идея... Мне делать нечего, как такими путями проблемы решать! Я предлагал кризисные центры, психолога... Она ни в какую! До

последнего надеялся, что она передумает и не позвонит по этому поводу. Но она позвонила и сказала, что отец избил её табуреткой и что на ней места живого нет.

Олеся хаотично прохаживалась, пытаюсь понять: кто истинный лжец? Илья был настолько эмоционален и убедителен в данный момент, что она понимала – этот не врёт. Татьяна в больнице ни разу не отвела глаз, рассказывала, как на духу – хорошая девочка, Лопухина не могла в ней так ошибиться. Но осталась ещё одна: хитрая не по годам, мстительная, обидчивая маленькая авантюристка Марьяна – вот кто оказался главным организатором дерзкой выходки, повлекшей за собой испытания, опасные для жизни, выпавшие на их долю.

Теперь Олеся знала с кого спрашивать, когда они выберутся отсюда. Если конечно выберутся...

Десять утра превратились в гонку, начавшуюся со старта после беззвучного хлопка. Заблудившиеся люди понеслись по невидимой траектории, оставляя солнце немного левее. Илья постоянно опережал, останавливался – Олеся стремилась догнать его, выбиваясь из последних сил. Он не видел, как с её босых ног слетают рваные листья лопуха, которыми она заранее обмотала ступни. Наоборот, его удивляла прыть пожилой дамы, быстро переставляющей стальные палки, при этом земли она практически не касалась. Как легко, думал он, прыгать по воздуху шаг за шагом, при этом до конца он не осознавал, что ею управляет другой двигатель – вымотан-

ное тридцатилетнее тело из две тысячи восемнадцатого года с расцарапанными в кровь ступнями.

Усилиями был достигнут желаемый результат – в зазоре мелькнул камыш, и оба отчётливо расслышали, как булькнула рыба. Река! Наконец-то! Они подбежали к воде, затянутой ряской, с громкими воплями. Старушка несказанно радовалась, безостановочно проваливаясь в мягкое песочное прибрежное дно – скобы задевали подвернувшуюся на пути растительность. Илья, отбросив кроссовки, погрузился в воду следом за ней, не снимая одежды.

Вода бодрила, смачивала пересохшие губы, омывала царапины – в данный момент она символизировала свободу от дремучего плена.

Отплыв на середину, Олеся увидела вдалеке мыс, от которого они отклонились вправо – довольная улыбка сползла с её лица, девушка вновь ощутила себя в яме, некой червоточине, оставив которую без внимания можно нарваться на более пагубные последствия. Поначалу она колебалась, держась на плаву, – теперь она ясно представляла, в какой стороне её машина: переплыви пару-тройку метров вместе с Ильёй, они умчались бы прочь из этого жуткого места.

Её взгляд задержался на склоне другого берега, взобравшись по которому можно отыскать автомобиль, затем перевёлся на печально известный мыс – в половине расстояния до него, где торчит из воды коряга, должно находиться главное зло – палатка. Дно под ногами не ощущалось – она уста-

ла сучить в воде израненными ногами, пора было принимать решение.

Она предложила Илье забрать кроссовки и поплыть по реке – попутное течение было кстати. Пока они переправлялись, мир в их глазах разделился надвое: правая сторона ассоциировалась с возвращением к прежней жизни, левая – с порталом, способным откинуть их куда угодно, возможно обратно в лес, в самую гущу. Последняя секунда принятия окончательного решения далась Олесе с трудом. Резко она свернула к торчащей коряге.

– Блин, я кроссовки утопил... – Слышала она за спиной недовольное ворчание Ильи, когда карабкалась на берег. – Теперь не одеть, пока не просохнут, иначе придётся хлюпать...

За деревьями стояла опустевшая палатка – Илья шокировался, так как до сих пор ничего не знал о её переносе на другое место, точнее не помнил. Как оказалось, он следовал за Олесей чисто доверившись её правильному ходу мыслей – как отсюда выбраться, сам же он видимо настолько устал, скитаясь далеко не первый день, что мозги у него просто плавилась. Он шарахнулся назад, как от чумы.

– Я думал, что вы забили на палатке... Думал мы на пути к свободе... Что она здесь делает? Ведь это и есть моя палатка!

– Забыла тебе рассказать, как сёстры перенесли своё барахло, когда запаниковали увидев меня...

– Давайте лучше валить отсюда! И как можно быстрее! –

Илья кричал в панике. Неожиданно он наступил на банку с борщом и волнение сразу сошло с его лица. – О! Хавчик! – Он бросился перебирать снизу ключей, которые лежали в застёгнутом кармане его мокрой куртки. Олеся снисходительно наблюдала, как он нервно пытается вскрыть банку брелоком-открывалкой. – Пока не поем разбирать ничего не буду! – закончил он.

После холодного густого борща он с жадностью уплетал слипшийся брикет консервированной перловки, Олеся в это время довольствовалась родниковой водой из запасов сестёр и съела пару сухарей.

– Я смотрю, вы так мало едите... – сказал он. – Да и от девок осталось много провизии. Думал им еле хватит, а они похоже клевали, как цыплята... Повезло мне с бабами!

Олеся не стала дожидаться, когда он насытится и начала сооружать холм из скомканных газет на кострище, где накануне пылал огонь, разведённый девчонками. Удовлетворённый Илья приступил к разбору палатки. Каждую деталь, что приходилось ему отсоединять, они разглядывали с особой тщательностью. У Ильи начали возникать сомнения:

– Вроде палатка, как палатка, ничего в ней особого... Может мы зря добро уничтожаем?

– Хочешь проверить: в ней дело, или не в ней?

– Не-е! – встрепенулся он. – Лучше зазря спалим, чем опять повторится такое попадалово.

Некоторые части он теперь без сожаления резал ножом:

мельчил полотнище нейлона на более мелкие куски. Олеся последовательно отправляла их в огонь. Столб коптящего дыма уходил прямо в небо, по округе распространялась едкая вонь. Для экологии это было уроном, но на кону стояла вероятность более глобальной катастрофы.

Илья заметил, что в комплекте не хватает одного колышка, стал ходить по местности, осматривая утоптанную тропу, в это время Олеся рыскала по рюкзакам девчонок. Ей попался крем с пантенолом, она начала выдавливать и прикладывать его к раздражённым местам. Подвернулся гель от укусов – обмазалась и им. Ощутила блаженство. В рюкзаке лежали духи, дезодоранты и другой парфюм, напомнивший о нормальном течении жизни в нормальном мире – Олеся с удовольствием растворилась в головокружительных запахах, перебивавших характерную вонь растопленного полиэстера. Илья сосредоточенно продолжал толкать в огонь куски материи, фыркая при этом – больше от того, что расправляется с обыкновенной, ничем не примечательной палаткой, добром, купленным за хорошие деньги. Между делом он снова прожигался в поисках недостающего элемента. Тропинка увела его в заросли, откуда девчонки всё перетаскивали. Наконец-то в траве блеснул алюминиевый стержень с кольцом на конце – Илья радостно подобрал его, вернулся и закинул в огонь.

Олеся брызнулась духами.

– А-а-а-а... – из кустов раздался тонкий девичий голосок,

давший понять, что их застукали с поличным. – Слышу: кто же тут мародёрствует, а это вот кто...

Марьяна выбралась из укрытия навстречу Илье, застывшего у костра, одетая в джинсовые шорты и розовую майку, настроенная явно недружелюбно. Затем перевела взгляд с Ильи на Олесю.

– Нехорошо лазить по чужим вещам, – пристыдила она.

Без резких движений она приблизилась к Илье ещё на пару шагов – он наблюдал за ней, распахнув рот от удивления. Сидящая на земле Олеся не видела его сконфуженной реакции – к ней он стоял спиной.

– Всё-таки Танюха была права насчёт тебя... – продолжала ехидничать Марьяна. – А я ей не верила... Теперь понятно: подсыпал нам хрень какую-то, чтобы поугарать над нами... Ну как, хорошо повеселились?

Она медленно подобрала с земли ранее обронённый шампур.

Теперь Олеся заметила, что на запястьях у той красуются следы от ожогов, колени содраны, повсюду на открытых частях зияют многочисленные ссадины, майка разодрана – ей стало ясно в каком Марьяна пребывает календарном дне: опять девятое августа. Так выглядеть она могла только девятого, не позднее, потому как её отыскали десятого ранним утром, но только сейчас она казалась вполне целёхонькой для девушки, один вид которой впоследствии, когда её выгружали из машины скорой помощи, приводил в ужас.

– Да-а, не кисло вы нас погоняли по лесу... Я из-за вас сеструху потеряла, нигде найти её не могу – вы за это ответите, сволочи! – Последнюю фразу она с надрывом выкрикнула на весь лес.

Олеся уловила эмоциональную нестабильность, что у девицы явные проблемы с психикой.

– А теперь, смотрите, вещички собираете, да? И мои в том числе? – В голосе Марьяны опять начал преобладать язвительный характер. Шаг за шагом она обходила Илью, как бы осторожно подкрадываясь к палатке. – А эта подруга, – кивнула она на Олесю, – которая любит копаться в чужих вещах и брызгаться чужими духами... она тебе кто? Вы с ней встречаетесь, да?

При последних словах парень резко обернулся, уставившись на Олесю. По одному его бешенному взгляду ей стало понятно, что больная карга из сто тринадцатого года наконец исчезла.

Илья растерянно поздоровался:

– Здравс-с-сте... – Больше ему в голову ничего не пришло – для Марьяны это выглядело тупо.

– Ну дава-а-ай, скажи, что ты видишь её впервые... – громко подколола она издевательским тоном. – Именно в эту минуту ты увидел её впервые! Аж глаза округлил!

С этого момента все мысли Олеси были заняты костром, на Марьяну она уже не реагировала. Пламя отдавало необычным свечением: над костром играли сполохи. Зрели-

ще притягивало будто магнит: языки пламени раздувались и вновь становились едва заметными, но сполохи от этого не уменьшались. Не было ни малейших сомнений, что искривление во времени порождала обычная с виду палатка.

Марьяна не улавливала, что происходит, злилась и заводилась.

– Вы в порядке? – обеспокоенно спросил Илья, обращаясь к Олеся.

– Поддерживай огонь, не прерывайся! – крикнула она. – Со мной всё в порядке – вот с ней не очень... – Олеся кивком показала на девушку. – Не отвлекайся от дела, а с этой истеричкой я сама разберусь!

Вдохновлённый осознанием того, что ему выпала роль спасителя мира, Илья принялся с бóльшим упорством подпихивать в пламя детали, не охваченные огнём, тем временем до него доносилось:

– Кто это истеричка?! Это я-то истеричка?! Ты такая крутая – разберёшься со мной?

Возгласы перешли на визг. Истеричка бросилась на Олеся, выставив опасный конец шампура, та успела в него вцепиться, чтобы он никого не проткнул – в результате хлипкий металл, за который держались обе, согнулся в пополам. Одной рукой Марьяна схватила её за волосы – Олеся, бросив биться за бесполезный шампур, вцепилась в противницу обеими руками. Девушки завалились в траву, перекатываясь и полосуя друг друга по лицу ногтями.

– Вы за всё ответите! – хрипела Марьяна. – И за сестру мою тоже... Я её из-за вас чуть насмерть не забила!

– Твоя сестра в больнице лежит! – Олеся напрягалась изо всех сил. – Идёт на поправку... А тебя недавно перевели из реанимации, куда ты сейчас упорно пытаешься загреметь...

Та на секунду ослабила хватку, соображая, затем взялась с новой энергией. Борьба продолжалась. Олеся думала об одном: Марьяна была вполне сильна и вполне здорова телом. Травмы, что на ней сейчас были, она могла бы залечивать и на дому – с такими не лежат в больницах, в реанимации тем более. Каким тогда образом её тело превратится в кусок отбитого мяса, кто меньше чем за сутки сделает из неё без пяти минут мертвеца?

Медсестра уводила её подальше от костра, к деревьям, за которыми начинался берег. Так они оказались у реки – больше отступить было некуда: две стороны заполонили густые заросли, третью преграждала вода. Марьяна надвигалась на неё поступью пантеры, затем вдруг сделала рывок, свалив Олеся прямо в воду – в последний момент та, захлёбываясь, заметила насколько безумны глаза у нападавшей. Ей пришлось активизироваться, чтобы спасти свою жизнь, и в воде оказалась Марьяна. Олеся начала сдавливать её гортань. Когда она осознала, что таким образом утопит её, ослабила руки, даже попыталась вытянуть пятидесятикилограммовое тело на берег. Девушка стояла на четвереньках на самой мели, откашливалась. Склонила голову, прочищая ды-

хательные пути. С неё ручьями текла вода. Лопухина вызвала намерение помочь, но та явно концентрировалась на отражении атаки, или новом нападении, собирая пятернями подводный песок.

Между девушками снова завязалась драка, в результате которой больше пострадала Марьяна – привыкшая к спортивным состязаниям Олеся оказалась ей не по зубам. Единственное, что у той получалось от отчаянья – это вцепиться в противника зубами и изо всех сил держать твёрдой хваткой. От боли Олеся выкручивала сопернице руки, та выла, ослабляла челюсти и кидалась вновь – драка продолжалась.

Никакие уговоры не действовали, тогда Олеся не стала испытывать судьбу и постепенно начала отступать обратно, надеясь, что Илья закончит возню с палаткой – вдвоём они скрутят обезумевшую вконец Марьяну.

Парень в это время сгребал в огонь остатки. Аномальное свечение было едва заметным, словом, догорало. У Ильи появилось предположение: судя по локализации сияния, причиной временных сбоев оказался банальный колышек – именно вокруг него постоянно что-то происходило, именно с него началось яркое мерцание. И несмотря на то, что его не удалось полностью ликвидировать он приобрёл обугленный вид. Сияние постепенно над ним затухало.

При появлении девушек, исцарапанных и покусанных, Илья забеспокоился – не пора ли оставить в покое костёр и вмешаться. У Олеси было разорвано ухо, у Марьяны трав-

мирована стопа – она отставала, злилась, пребывала в перевозбуждённом состоянии. На миг Олеся отвлеклась, уставившись на затухающее пламя и обернулась только, когда на неё неслись, замахиваясь довольно внушительным для девичьих рук бревном – Марьяна пёрла его пыхтя. Ещё немного она бы заехала этой тяжестью по сопернице, но та своевременно отразила атаку столом. Бревно упало, после чего Олеся врезала столом ещё раз, теперь по лицу. Угол металлического каркаса рассёк сопернице плечо. Олеся снова повторила удар, в результате чего ту отбросило прямо в костёр. Девушка рухнула в тлеющий ворох, в самый эпицентр, где высвобождались остатки негативного явления.

Этим всё не закончилось. Внезапно тело подбросила невидимая струя, и несколько раз оно перевернулось в воздухе – так прокручиваются вещи в стиральной машине. Затем Марьяну закрутило словно в воронке невидимого вихря, лицом протащило по земле, снова взнесло вверх, снова обрушило на кострище.

В одну секунду от Марьяны не осталось и следа, она исчезла в миг, оставив после себя лишь обгорелую труху, рассыпавшуюся под её весом. Илья, став свидетелем жуткого зрелища, потерял дар речи. Какое-то время он с пристальным вниманием стоял и пялился на кострище, застыв в одной позиции, Олеся, увидев не впервые исчезновения людей в этом лесу, закрыла ладонью рот и металась вокруг костра, сторя от безысходности.

– Куда она подевалась? – Илья спросил, будто от него спрятали птаху в кулаке, а затем разжали пустой кулак.

Олеся могла лишь догадываться.

– Она была из девятого августа – значит туда и вернулась, – предположила она. – Неужели этот кошмар позади? – Девушка опустилась на землю, уставшая и вконец выдохшаяся. – Остаётся надеяться, что в данный момент Марьяна лежит в нашей больнице – в это время у нас обед...

Костёр догорал, по-прежнему разнося по округе ядовитую вонь плавленных деталей. Верёвки и ткань превратились в смесь спёкшейся массы и пепла, металл покрылся гарью. Сполохи потухли вместе с Марьяной – от них не осталось и следа.

– А мы? – спросил Илья. – С нами теперь что?

Олеся пожала плечами.

Он обратился, будто к инструктору, но она здесь была таким же стажером, и сама могла только предполагать. Она взяла на себя миссию успокаивать и держать ситуацию под контролем – пока ей это удавалось.

– Нам надо выбираться, – ответила она.

Назад они возвращались на её машине – Илья отказался сделать хотя бы шаг обратно в лес, чтобы найти свою. Средства связи у обоих не работали, видимо, её телефон тоже успел исчерпать заряд благодаря непрерывным дозвонам. Олеся думала о том, как там издёргались её родители. Перед выездом она им звонила, чтобы сказать, что по пути долж-

на захватить в одно место, а затем пропала на целые сутки... А может не сутки? Может больше? Кто знает – сколько она бродила по этим лесам, сколько гоняла в глуши, отлавливая двух беглянок?

Возникло желание притормозить на обочине, остановить любую попутку и задать вопрос: какое сегодня число? Но ни один водитель не поймёт: чего ради его выловили на дороге... Чтобы узнать какое число? Любой придёт в ярость, воспримет как издёвку.

Илья вспоминал всех, кто был в курсе, где находится то злополучное место, прикидывал: не нарвётся ли кто на могильник для ловушки времени, который они устроили в опустевшей яме, где раньше хранились продукты. Из пятилитровых баклажек они соорудили совки. Прогоревшие части переносили осторожно; Илья с омерзением нёс обугленный колышек в ворохе пепла – предполагаемую причину, так же с отвращением высыпал содержимое в яму и долго тряс. Совки покоробились от неостывших углей, но функцию свою исполнили. Их постигла та же участь – они оказались в могильнике вместе с остальным. Голыми руками вдвоём молодые люди забрасывали яму всем, чем придётся, лишь бы никто не обнаружил спрятанное – мало ли кто пожелает здесь развернуть в будущем лагерь.

– Что скажем дома? – спросила Олеся. – Как было на самом деле?

Илья издал короткий смешок.

– Ага... Особенно как у меня из памяти выпали недели, и как Марьянку крутило над костром, после чего она растворилась прямо на наших глазах...

– ...как я перевоплотилась в старую себя и как летала на метле... – продолжила пересказ Олеся.

Оба рассмеялись. Притихли, наблюдая за машиной инспектора, тот обогнал их и исчез из виду.

– Таня пыталась рассказать, как было на самом деле, – начала вспоминать Олеся. – Абсолютно все сочли её за обманщицу. Каждый вытягивал из неё правду, как мог, и у большинства главной версией были психотропы. Хочешь, чтобы и про нас так думали?

Олеся представила лица окружающих во время её правдивого рассказа. Можно не сомневаться, что после этого у неё не останется ни друзей, ни подруг, а родители подсядут на лекарства.

– А что тогда говорить людям? – Илья замер в ожидании ответа.

– Ну к примеру, что заблудились...

– Как-то банально... Хм... Просто заблудились... Я хотел креативнее, народ поудивлять...

– Правдой удивишь – не то слово, только потом всю жизнь будешь удивляться, как у тебя ума хватило рассказать правду...

Впереди показалась развилка. Машина свернула с автостреды под мост – вдалеке обозначились многоэтажки.

– Ну так что? Заблудились? – Олеся ждала ответа.

– Эх-х-х... – Вобрал воздуха Илья. – Жалко-то как... –

Затем с силой выдохнул, скрестил пальцы и подложил их под голову. – Такое значимое событие в моей бестолковой жизни и придётся вспоминать его в тишине... Ладно! Пусть будет – заблудились!